

РОВЕСНИК 11 1977

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

Ноябрь, 1977 год, № 11

На первой странице обложки: «Аврора» — единственный корабль ВМФ СССР, который никогда не покидает порта приписки. Вернее, места приписки: река Нева, набережная, неподалеку от той точки, с которой «Аврора», дав залп, оповестила мир о новом времени, о новой эпохе, о социализме.

Фото Л. Шерстенникова.

ГЛАВНОЕ СОБЫТИЕ ВЕКА — ОКТЯБРЬ В СТАТЬЯХ И ОЧЕРКАХ ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ «РОВЕСНИКА»

ГАВАНА. Вторая эстафета кубино-советской дружбы стала ярким свидетельством того, как активно наши друзья — юноши и девушки Республики Куба — готовились отметить 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции. Ее участники — представители молодежи обеих стран — совершили поход по местам исторической и революционной славы кубинского народа. Во время эстафеты были организованы многочисленные встречи советских комсомольцев, работающих на Кубе, с кубинской молодежью. Главным событием эстафеты стал массовый митинг дружбы на химическом комбинате имени Октябрьской революции в городе Нуэвитасе, построенном при содействии Советского Союза.

ВАРШАВА. Вместе с производственными коллективами предприятий и строек к празднованию 60-летия Великого Октября готовятся и харцеры Польши. «Советский Союз глазами детей» — так называется выставка, подготовленная школьниками польского города Цеханув. Ребята собрали для экспозиции, рассказывающей о достижениях Страны Советов, о жизни советской молодежи, братской дружбе народов наших государств, фотографии, книги, рисунки.

На снимке: в день открытия выставки.

БЕРЛИН. Более 230 тысяч юношей и девушек ГДР с отличием сдали зачет в рамках движения за хорошие политические знания. В нынешнем году большое влияние на развитие этого движения, как и на всю систему политучебы, оказывает, по словам заместителя заведующего отделом агитации Центрального Совета ССНМ П. Брайтфельда, подготовка к 60-летию Великого Октября. Сейчас ознакомление молодежи с основами марксизма-ленинизма приобретает особое значение. Политической подготовкой молодежи руководят пропагандисты СЕПГ и ССНМ.

ПРАГА. Каждый год по традиции в небольшом моравском городке Градец-над-Моравицами проходит слет юных пионеров Чехословакии. Со всех уголков страны съезжаются сюда лучшие пионерские дружины, чтобы рапортовать старшим товарищам о своих делах. Вот и в нынешнем году 1200 участников слета приветствовали почетных гостей — делегацию ЦК КПЧ, которой они вручили книгу славных пионерских дел и обязательств, выполненных к 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции и II съезду Социалистического союза молодежи Чехословакии.

На снимке: победители пионерского соревнования были удостоены высшей награды слета — чести сфотографироваться у Красного знамени пионерской организации.

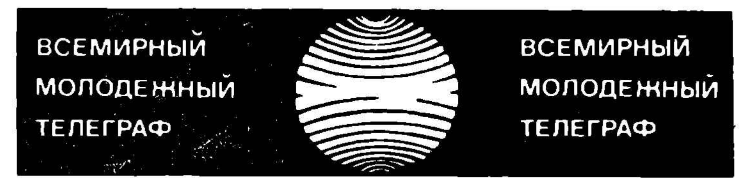
ЛЕНИНГРАД. 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции был посвящен II Фестиваль дружбы молодежи СССР и ВНР. Эта праздничная встреча вылилась в яркую демонстрацию братской дружбы советской и венгерской молодежи, Ленинского комсомола и Венгерского коммунистического союза молодежи, вносящих свой достойный вклад в развитие сотрудничества и разносторонних связей между нашими странами. Перед открытием фестиваля состоялась встреча первого секретаря ЦК ВЛКСМ Б. Пастухова и первого секретаря ЦК ВКСМ Л. Мароти, во время которой были обсуждены актуальные проблемы развития международного коммунистического и демократического молодежного движения, подготовки к XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов на Кубе.

БОНН. Германская коммунистическая партия приурочила широкую кампанию по приему в свои ряды новых членов к великому пролетарскому празднику — 60-летию Октябрьской революции. Особенно большую работу партия ведет среди рабочей и студенческой молодежи. Привлечение к борьбе все большего количества людей, как пишет коммунистическая газета «Унзере цайт», не самоцель. Чем многочисленнее и сплоченнее ряды ГКП, тем сильнее политическое влияние партии, тем эффективнее и последовательнее она сможет вести борьбу за интересы трудящихся страны.

ЯУНДЕ. Генеральный секретарь Высшего совета спорта в Африке (ВССА) Жан Клод Ганга заявил во время своего визита в Москву, что он горячо приветствует усилия, прилагаемые для обеспечения широкого участия спортсменов африканских стран в Олимпийских играх 1980 года. Он выразил уверенность в том, что эти Олимпийские игры, которые впервые состоятся в социалистической стране, пройдут на самом высоком уровне. Советские спортивные специалисты и тренеры успешно работают в африканских странах с молодыми спортсменами, будущими олимпийцами; такие контакты, по мнению Жана Клода Ганги, способствуют дальнейшему развитию дружественных связей между народами африканских стран и Советского Союза.

ДИМИТРОВГРАД. Промышленные предприятия Народной Республики Болгарии принимают участие в трудовой вахте, посвященной 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Активно включились в это социалистическое соревнование и комсомольские бригады Димитровградской трикотажной фабрики. Они борются за повышение производительности труда и улучшение качества продукции, которая экспортируется во все страны СЭВ, в том числе и в Советский Союз.

На снимке: комсомолки-многостаночницы Куна Недева, Зульфия Мехмедова и Кера Динева, выполняющие дневную норму на 200 процентов.

КИНГСТОН. В год 60-летия Октября народы разных стран особенно внимательно изучают путь, пройденный первой Страной Советов и другими социалистическими странами. Премьер-министр Ямайки Майкл Мэнли заявил, что задачей номер один молодежи Ямайки является изучение социализма. В своем интервью агентству Пренса Латина он сказал также, что молодежь страны должна сыграть важнейшую роль в поднятии уровня политической сознательности масс, должна принять активное участие в осуществлении земельной реформы, развитии кооперативов. За время с 1972 года новой администрации удалось добиться значительных успехов. Государство взяло в свои руки земли, ранее принадлежавшие иностранным монополиям, организовало сельскохозяйственные кооперативы, оно последовательно проводит независимую антиимпериалистическую политику.

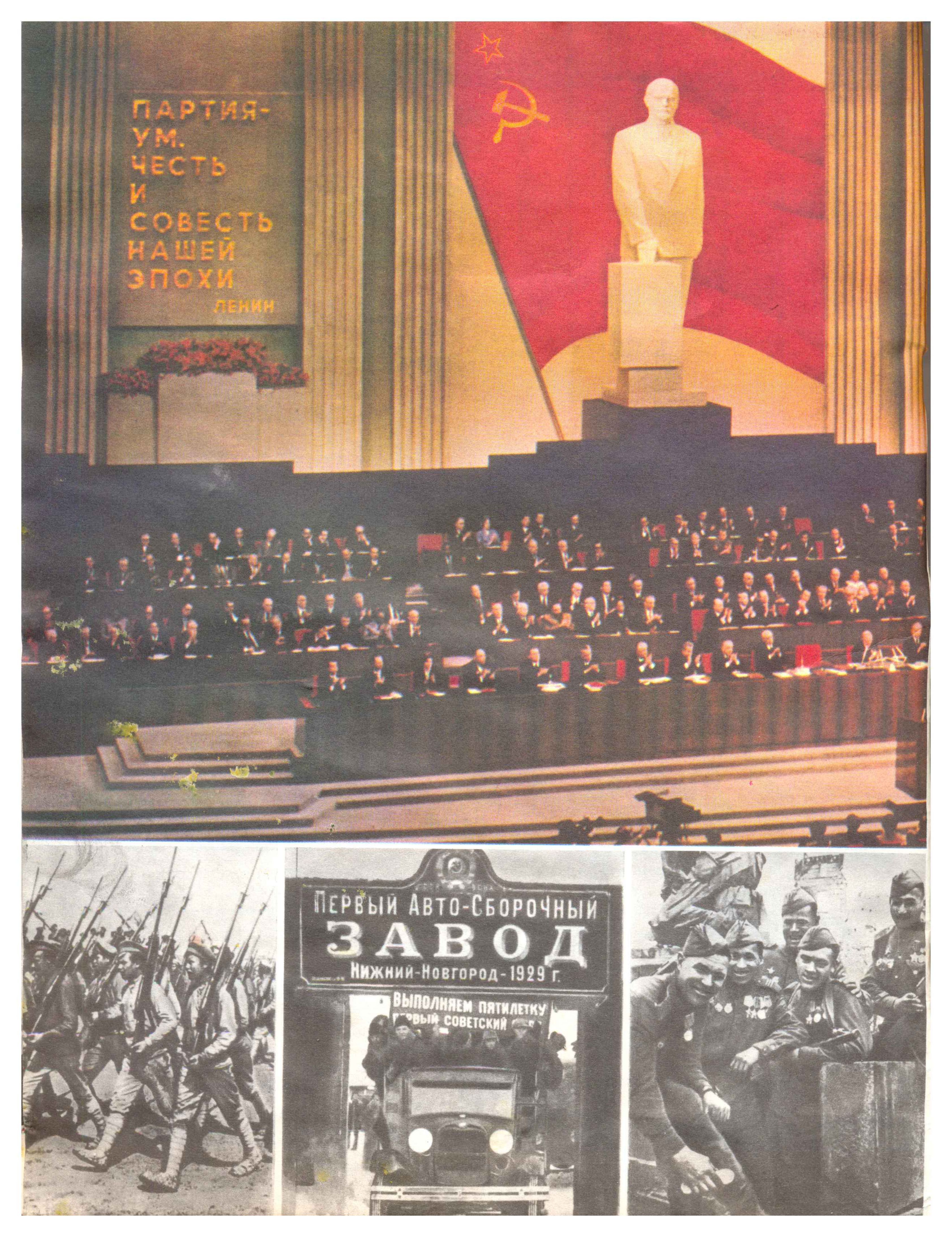
СОФИЯ. Именем Великого Октября назван один из крупнейших индустриально-аграрных комплексов Народной Республики Болгарии, расположенный в Плевенском районе. Это предприятие — наглядный пример достижений социалистической экономики в комплексном развитии промышленности и сельского хозяйства. Здесь успешно нашли применение своим силам и знаниям многие молодые специалисты — инженеры, агрономы, технологи, врачи, учителя. В работе комплекса занято 90 выпускников университетов, 134 выпускника высших учебных заведений страны, 109 выпускников профессионально-технических училищ.

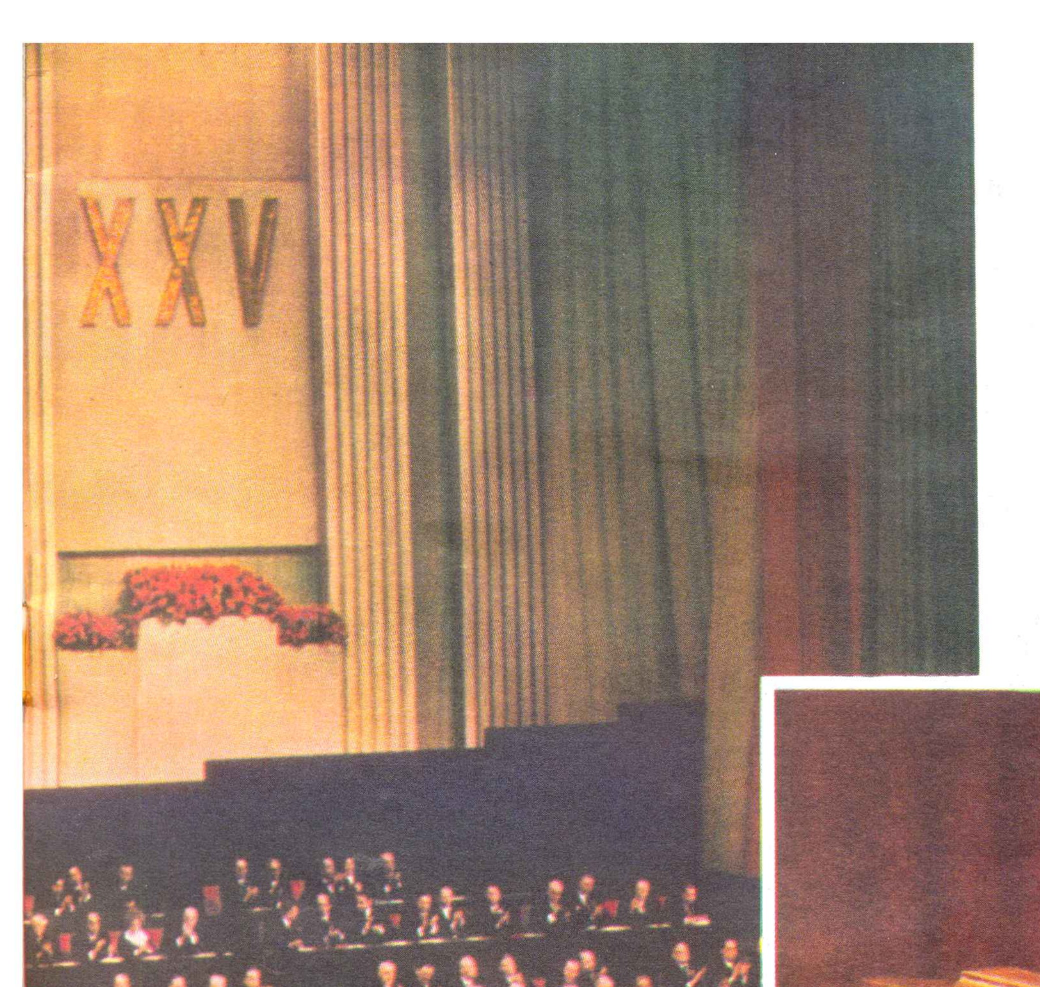
ЗАПАДНЫЙ БЕРЛИН. Уже восемь лет существует здесь Марксистская вечерняя школа для молодежи. В год 60-летия Великого Октября в программу занятий, помимо лекций об основах марксистско-ленинской философии, включены семинары, знакомящие слушателей с опытом социалистического строительства в СССР и других странах социалистического содружества, лекции о достижениях науки, техники, культуры нашей страны, свидетельствующих о преимуществах нового общественного строя. Задача этой школы, пишет газета «Ди Вархайт», в том, чтобы дать трудящимся убедительные ответы на вопросы, рожденные всеобщим кризисом капитализма, доказать, что социализм — единственная для народа альтернатива на будущее.

На снимке: в Марксистской вечерней школе Западного Берлина идут занятия.

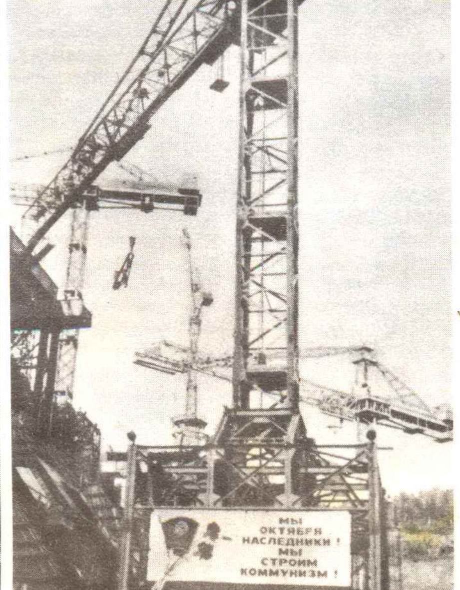

ПАРТИЯ-
УМ,
ЧЕСТЬ
И
СОВЕСТЬ
НАШЕЙ
ЭПОХИ
ЛЕНИН
ПЕРВЫЙ АВТО-СБОРОЧНЫЙ
ЗАВОД
НИЖНИЙ-НОВГОРОД-1929 г.
ВЫПОЛНЯЕМ ПЯТИЛЕТКУ
ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ

ШЕСТЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ— ЭТО МЕНЬШЕ, ЧЕМ СРЕДНЯЯ ПРОДОЛЖИ-ТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА.

НО ЗА ЭТО ВРЕМЯ НАША СТРАНА ПРОШЛА ПУТЬ, РАВНЫЙ СТОЛЕТИЯМ.

Л. И. Брежнев.
Из Отчетного доклада XXV съезду КПСС.
24 февраля 1976 года

Вы прочтете в этом номере, читатель, обращенные к вам воспоминания и размышления людей, хорошо вам знакомых. Все они — добрые и верные авторы «Ровесника», хотя и живут не только в разных странах, но и на разных континентах. Сегодня они собрались все вместе, чтобы поздравить каждого и всех нас с нашим большим праздником — 60-летием Октябрьской революции, свершенной российским пролетариатом под руководством ленинской партии коммунистов. Наши авторы немало уже пожили и много пережили, они люди опытные и уважаемые многими за то, что успели сделать, за твердость взглядов, мужественность и прямоту суждений, принципиальность в тяготах и соблазнах, талантливость в выражении самих себя. Все они обращаются сегодня к вам, молодым гражданам СССР, и, как сказал один из них, американский художник Антон Рефрежье, считают «эту возможность выступить в праздничном номере журнала очень почетной для себя».

И вот почему.

Шестьдесят лет назад пример России показал всем людям труда, какие неисчерпаемые силы таятся в их организованности, в их решительных действиях.

Шестьдесят лет назад народные массы реально включились в управление обществом, стали хозяевами страны.

Шестьдесят лет назад было положено начало новому, социалистическому направлению в мировой политике — направлению мира, всеобщей безопасности, международного сотрудничества; направлению, ставшему примером орга-

ВЫ ЗАЖГЛИ ЗВЕЗДУ НАДЕЖДЫ

Гарри ФРИМЭН,
американский журналист,
корреспондент ТАСС

Со времени штурма Зимнего в 1917 году до сегодняшних дней, когда советский народ обрел новую Конституцию, события в Советском Союзе накладывают глубокий отпечаток на жизнь в капиталистическом мире. Я попробую показать это на примере моей страны — Соединенных Штатов Америки.

Как тут не вспомнить, что именно американец — свидетель Октябрьской революции Джон Рид — великолепно описал волнующие события в Петрограде — «десять дней, которые потрясли мир». И с того момента на протяжении всех шести десятилетий политически активные американцы не могли не сознавать исторического значения роста Советской страны, ее воздействия на мир в целом и на события в их собственной стране. Конечно, будучи членами общества, расколотого на враждебные классы, они по-разному истолковывали социальные и политические изменения в мире, рожденные победой Советской власти.

Прогрессивные американцы, такие, как Джон Рид, видели в Великой Октябрьской социалистической революции предзнаменование светлого будущего не только для народов России, но и для всего человечества. Финансовым же магнатам и политическим властителям страны она представлялась зловещей угрозой капитализму во всем мире, а значит, и «самой цивилизации» — поскольку в их глазах цивилизация и капиталистические прибыли неотделимы.

Много перемен произошло в мире после 1917 года, но и сегодня в капиталистических странах, в том числе в США, достаточно твердолобых реакционеров-антикоммунистов, не желающих признать реальный сдвиг в мировом политическом балансе в пользу социализма и необходимость мирного сосуществования с социалистическими государствами. С другой стороны — и это подтверждают опросы общественного мнения, — подавляющее большинство американцев высказываются за хорошие отношения с Советским Союзом, за сотрудничество между нашими странами. Это, конечно, не означает, что все они полностью прозрели и, отбросив мифологию капитализма, приняли правду социализма. Но в справедливость ленинского принципа мирного сосуществования они поверили.

Гарри ФРИМЭН родился в Нью-Йорке в 1906 году. С блеском окончил Корнеллский университет. Родители, люди весьма обеспеченные, прочили ему карьеру бизнесмена или, на худой конец, адвоката, но он избрал журналистику. Увлечение идеями марксизма привело молодого репортера в газету коммунистов «Дейли уоркер», а в 1929 году он перешел на работу в отделение ТАСС, единственное тогда советское учреждение на территории США. Сложное развитие политической обстановки в США, происки врагов мира, сдвиги в советско-американских отношениях — все это требует проникновения в суть событий, и Гарри ФРИМЭН выполнял и выполняет эту задачу со знанием дела. В «Ровеснике» он выступал со статьей, посвященной 30-летию Победы над фашистской Германией (№ 5 за 1975 год).

НАСЛЕДНИКАМ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

нического сочетания дела революции и дела мира.

Шестьдесят лет назад были утверждены Октябрем в качестве реальных норм бытия социальная справедливость, международное равноправие, национальная и личная свобода — нормы, радикально изменившие духовно-нравственный климат, в котором живет человеческое общество.

Шестьдесят лет — большой срок в жизни одного человека, и не все эти годы прошли перед глазами авторов этого номера. Но сколько бы ни было сегодня каждому из них лет и как далеко от Москвы они бы ни жили, каждый из них смог ощутить Великое Присутствие СССР в мире (выражение итальянца Энцо Равы), каждый не мог не отметить реальную роль страны социализма в его собственной жизни. Одним пример Советского Союза стал ценен в их ежедневной жизни как социальный критерий «страны, где нет экономических кризисов, безработицы, инфляции, дискриминации по признакам расы, национальности или пола, где людям по-настоящему гарантированы человеческие права» (американец Гарри Фримэн); другие без Великого Октября, «давшего миллионам таких, как я, судьбу и биографию», не представляют своей жизни (болгарин Стефан Продев). Одних давно и навсегда увлекли социалистические идеи, «которые преобразуют мир из раздираемого кризисами взрывоопасного общества в общество разумное и честно управляемое, в общество без войн, нищеты, эксплуатации и упаднической культуры» (англичанин Джеймс Олдридж); для других бесценными стали те «зерна великой новой культуры, которые дали всходы на всей территории Советского Союза», и корни которой — «в судьбах людей» (американец Антон Рефрежье). Для одних незабываемым остается тот момент, когда «предыстория кончилась, началась подлинная история человечества... Народ Южной Африки впервые увидел, что эксплуататорские классы могут быть повержены, и услышал колокол, звонивший по капитализму» (южноафриканец Алекс Ла Гума); для других главной истиной, гарантирующей миру движение вперед, стал тот факт, что «есть социализм на огромной территории, есть красные флаги, развевающиеся под всеми ветрами Земли» (итальянец Энцо Рава); для третьих непоколебимой верой в победу стала правда страны, где «революция, начатая в далеком и голодном семнадцатом продолжается, утверждая в новой Конституции право на счастье, творчество, социальный оптимизм» (чилийка Гладис Марин).

Влияние «десяти дней» Октября на судьбы людей и судьбу мира в эти шестьдесят лет было поистине огромным. Предыстория и в самом деле кончилась, началась подлинная история человечества, и каждый был вынужден определить в ней свое место. В том числе и фашисты, которые силой и звериной ненавистью пытались переломить ее ход во второй мировой войне, но лишь переломили о советский меч свой хребет. В том числе и фанатики-антисоветчики, без устали и без надежды раздувавшие и до сих пор раздувающие костры «холодной войны» в попытках, как писал великий писатель Томас Манн, «подавить народы и их притязания на счастье и предотвратить какой бы то ни было социальный прогресс, устрашающе окрестив его «большевизмом». Но были в том числе и другие силы, другие люди — те, что вместе с нами, со страной Октября двигали историю вперед. Их было много, и с каждым из шестидесяти лет становилось еще больше, и вот сегодня они тоже с нами, празднуя большой праздник. Они по праву на этом празднике; ведь они, где бы ни жили, вложили свою лепту, свои мысли, сердце и дела в то, чтобы он был именно таким — и нашим, и международным.

Сегодня, читатель, к вам обращаются ваши старые знакомые, не раз рассказывавшие вам о жизни, о молодежи, о проблемах своих стран. Сегодня они рассказывают о нашей стране, о том, как она видится издалека, о том, почему весь мир не видится без нашей страны и почему прогрессивный мир видит в ней свое будущее. Они пришли к вам, читатель, потому что вы — человек, за плечами которого государство с короткой по эпохальным меркам шестидесятилетней историей. Великой историей и великим будущим, точкой отсчета для которых стал Октябрь — «главное событие XX века, коренным образом изменившее ход развития всего человечества».

Разумеется, в течение десятилетий, прошедших после Октябрьской революции, претерпевала изменения и официальная политика США по отношению к СССР. У советско-американских отношений, как заметил однажды товарищ Л. И. Брежнев, были свои подъемы и спады. Но плоды Октября — рост могущества Советского Союза, образование мировой социалистической системы — стали важным фактором в формировании американской политики.

Это же относится к большинству остальных старых капиталистических держав. Но я попытаюсь проследить, какое влияние оказывало существование Советского государства именно на США, избрав за точки отсчета — возможно, несколько произвольно — шесть юбилейных октябрьских дат. Поскольку, будучи корреспондентом ТАСС, я пристально наблюдал за развитием советско-американских отношений почти на протяжении полувека, то позволю себе время от времени обращаться к личным воспоминаниям.

Первая годовщина

Ноябрь 1918-го. Невозможное случилось. Ровно год назад на основании информации от своего посольства в Петрограде в Вашингтоне были уверены, что Советы продержатся не более нескольких недель и что царские генералы вот-вот восстановят власть капиталистов, купцов и помещиков. Однако минул год, а Советы под руководством большевиков не только удерживали власть, но расширяли и укрепляли ее.

Тогда политические заправилы Запада решили не ограничиваться только помощью белогвардейцам. Вашингтон разделял тезис Уинстона Черчилля о том, что большевизм необходимо «задушить в колыбели». США, Англия, Франция и Япония двинули свои войска на Советскую Россию.

Капиталистическая пресса рьяно поддерживала крестовый антикоммунистический поход, не гнушаясь самыми грязными вымыслами, чтобы разжечь в читателях ненависть к молодому Советскому государству. Газеты изобретали россказни о «кровожадных» большевиках, убивающих невинных людей, печатали «истинные» сообщения о «коллективизации женщин». Я и сейчас хорошо помню типичную карикатуру в газетах того времени, которая должна была выражать якобы сущность Октябрьской революции: оборванный, бородатый человек с горящими глазами, с дымящейся бомбой в руке и кинжалом в зубах.

Но уже тогда многие, особенно рабочие, видели в Октябрьской революции надежду всего человечества. Большинство рабочих организаций Америки — крупная Социалистическая партия, занимавшая принципиальную антивоенную позицию, влиятельное профсоюзное объединение «Индустриальные рабочие мира» и другие — проводили массовые митинги в поддержку Октябрьской революции, требовали положить конец вооруженной интервенции и призывали Вашингтон признать Советское государство.

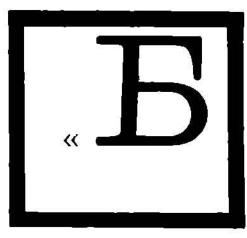
По всей стране стали появляться комитеты, которые создавали фонды в помощь Советской России, мобилизовывали общественное мнение на поддержку революции. В этом движении принимали участие такие выдающиеся рабочие деятели, как Юджин Дебс, баллотировавшийся кандидатом на пост президента от Социалистической партии, и Билл Хейвуд, руководитель «Индустриальных рабочих мира»; ученые — Уильям Дюбуа, один из основоположников негритянского освободительного движения, и профессор Скотт Ниринг, известный экономист и лектор; выдающиеся публицисты Джон Рид и Альберт Рис Вильямс и многие другие видные общественные деятели.

На одном массовом митинге в Нью-Йорке пятьсот рабочих выразили желание вступить добровольцами в «Американскую Красную гвардию», чтобы бок о бок с большевиками сражаться

На стр. 20 ▶

ЛИСТАЯ КАЛЕНДАРЬ ИСТОРИИ

Алекс ЛА ГУМА,
южноафриканский писатель

«Большевики идут!» — такими словами первые социалисты Южной Африки приветствовали известие о том, что в России произошла Октябрьская революция. Сообщая рабочему люду о великих переменах, происходящих на белом свете, члены Интернациональной социалистической лиги, прародительницы Южноафриканской коммунистической партии, говорили: «Что представляет собой большевизм, которого так боится правящий класс, и почему в Россию против большевиков отправлены английские войска? Большевизм означает власть рабочего класса. А рабочая власть кладет конец грабительской капиталистической системе».

Народ Южной Африки впервые увидел, что эксплуататорские классы могут быть повержены, и услышал колокол, звонивший по капитализму.

В начале пути

«Рабочие! Не верьте выдумкам буржуазной прессы. Она клевещет на большевиков потому, что капиталисты потеряли кучу денег, одолженных царю для подавления русского народа». В городских парках и у фабричных ворот собирались толпы — послушать ораторов, почитать листовки о Великой Октябрьской социалистической революции и заявить протест против империалистической интервенции.

«На большевиков клевещут из страха, что и вы последуете их примеру, что рабочие Южной Африки тоже добьются освобождения и независимости... Рабочие черпают надежду в большевизме. В сегодняшней России действительно восторжествовало свободное содружество труда... Большевизм — это победа пролетариев... Да здравствует всемирная республика труда!»

Предыстория кончилась, началась подлинная история человечества. В том числе и для далекой южной оконечности Африканского континента. Разрозненные социалистические марксистские группы, слившись воедино, основали коммунистическую партию. «Россия — только первая страна, где рабочий класс на деле доказал, что промышленность может обойтись без капиталистов, а сельское хозяйство — без помещиков, — говорилось в манифесте, принятом на ее учредительном съезде 30 июля 1921 года; шел четвертый год Октябрьской революции. — Эта первая победа задала тон политическому развитию всего современного мира. Каждый чувствует, что примеру русских последуют и другие народы».

Угнетенные южноафриканцы напрягали силы на борьбу за социализм в Южной Африке. На тяжелую, ожесточенную борьбу. Дорога к южноафриканской свободе усеяна могилами героев-коммунистов. Они погибли на боевом посту: Айвон Джонс, Эндрюс, Нкоси, Фишер и многие другие. Их вдохновляли возрастающая сила рабочего класса и национально-освободительного движения, героический пример Советского Союза.

В 1924 году Айвон Джонс написал статью о ленинской книге «Что делать?» (еще до выхода в свет в Южной Африке ее английского перевода). В этой статье, опубликованной в связи с кончиной В. И. Ленина партийной газетой «Интернационал» (Иоганнесбург), были такие слова: «Бессмертное имя Ленина все равно будет для нас неисчерпаемым источником силы; памятниками ему будут все грядущие революции».

В 1931 году в ленинградском порту сошел на берег Мозес Котане, ставший впоследствии Генеральным секретарем Южноафриканской коммунистической партии. Он покинул родину нелегально, без паспорта. Котане вспоминает, что впервые в жизни он, чернокожий, ходил по улицам свободным человеком. Среди его учителей был и ныне покойный ученый-африканист Иван Изосимович Потехин. Котане впоследствии писал: «Потехин глубоко разбирался в сложнейших проблемах Южной Африки. Он был одним из первых ученых, подошедших к изучению этих проблем с позиций марксизма в то время, когда в африканистике еще доминировала буржуазная наука».

«...И угнетенные народы»

Покойный Председатель Южноафриканской коммунистической партии Джон Маркс писал: «Каждое посещение Советского Союза вызывает во мне прилив энергии для борьбы. В моей памяти до сих пор живы подробности первой поездки, которая состоялась в 1933 году. Можете себе представить, какое впечатление произвела она на человека, вырвавшегося из мира, где жизнь подчинена законам расовой сегрегации, и очутившегося в совершенно новом мире, в мире социализма; здесь этот человек своими глазами увидел, что все граждане независимо от национальности и цвета кожи обладают равными правами и живут в полном согласии».

Джон Маркс был вынужден покинуть свою родину, так как его преследовали за партийную деятельность, за то, что он возглавлял национально-освободительную борьбу. Похоронен он в Москве, на

В публикуемой статье Алекс ЛА ГУМА мог упомянуть еще об одном из основателей Южноафриканской компартии, посетившем СССР в первые годы революции, — Джимми Ла Гуме, присутствовавшем на праздновании десятой годовщины Октября. Дома, в Кейптауне, у Джимми оставался тогда двухлетний сынишка Алекс, будущий писатель, коммунист, продолжатель дела своего отца. Расистские власти ЮАР неоднократно арестовывали Алекса Ла Гуму, предавали суду. Перед тем как эмигрировать в Англию (в 1966 году), он пять лет просидел под домашним арестом без права общения с друзьями. Предыдущая статья по заказу «Ровесника» была им написана в прошлом году (№ 7, «Голоса в молчании»).

К Ленину с цветами...

Новодевичьем кладбище. В тот год, когда он впервые приехал в СССР, нацисты нагнетали антикоммунистическую истерию в Европе. Их единомышленники в Южной Африке маршировали на парадах в серых рубашках и тоже вопили о «коммунистической угрозе».

«Раздавим большевиков!» — требовала листовка серорубашечников, созывая фашистов на сборище по типу нюрнбергских, где ораторствовал южноафриканский «гауляйтер» Вейхард, призывая к крестовому походу «против большевизма». Но в 1945 году нацистские знамена были брошены к подножию Мавзолея, и недобитым нацистам в Южной Африке и других странах пришлось нацепить другие личины, изменить свои лозунги, прибегнуть к иным методам в безнадежных попытках остановить несокрушимую поступь народов.

Мир неузнаваемо изменился. Нацистские орды были разбиты, социализм восторжествовал, расширялось национально-освободительное движение колониальных народов, к которым еще Коммунистический Интернационал при Ленине обратился с лозунгом: «Пролетарии всех стран и угнетенные народы, соединяйтесь!»

Рост могущества Советского государства не мог не оказать воздействия на мировое антиимпериалистическое и антиколониальное движение. Каждая новая стадия борьбы за национальное освобождение была связана с международным влиянием исторических достижений советского народа. Это политическое и идеологическое воздействие стало ощущаться буквально с первых дней Советской власти. Как сказал индийский государственный деятель Джавахарлал Неру, «Октябрьская революция зажгла негасимый факел».

Уважение, с которым африканские народы относятся к Советскому Союзу, находит многообразные проявления. В африканских городах есть улицы, проспекты, названные в честь Ленинграда, Москвы, Октябрьской революции, в честь В. И. Ленина. Детям часто дают имена советских врачей и педагогов, работающих в Африке. В годы Великой Отечественной войны многие дома в африканских городах получали названия тех мест, где одерживала победы Красная Армия. Помню, один южноафриканский сержант, воевавший в Северной Африке, всю войну держал на антенне своего «джипа» советский флажок.

В беспрецедентном распространении социалистических идей среди колониальных народов — заслуга прежде всего В. И. Ленина и тех первых интернационалистов, которые последовательно требовали свободы колониям в качестве главной предпосылки для решения национального вопроса. Революционная волна, поднявшаяся в 1917 году, захлестнула весь мир. «Великая Октябрьская социалистическая революция

открыла новую эру в истории человечества», — говорится в программе Южноафриканской коммунистической партии.

Коммунисты в колониях отдавали себя без остатка борьбе за национальное освобождение. Глубокое овладение теорией, преданность и близость к трудящимся массам, революционная боевитость, готовность к самопожертвованию выдвинули коммунистов в первые ряды борцов, снискали им любовь народа. Коммунисты сыграли решающую роль в углублении антиимпериалистической направленности национально-освободительных движений.

Выступая в расистском суде, приговорившем его к пожизненному заключению, лидер Африканского национального конгресса Южной Африки[1] Нельсон Мандела говорил: «На протяжении многих десятилетий коммунисты были единственной в Южной Африке политической организацией, готовой делить с нами свой хлеб, говорить с нами, работать с нами, бороться за политические права и подобающее место в обществе для африканцев. Благодаря этому многие африканцы отождествляют сегодня свободу с коммунизмом».

Их не страшат застенки

К какому бы террору ни прибегали расисты и фашисты, им никогда не удастся вырвать любовь к Советскому Союзу из сердец и умов южноафриканцев. С риском для жизни патриоты-подпольщики продолжают распространять информацию и политические материалы об СССР. В 1967 году, когда отмечалось 50-летие Октября, в городах Южной Африки появилась брошюра «Революция, которая изменила мир», напечатанная в подполье. В 1970 году, в связи со 100-летием со дня рождения В. И. Ленина, разошлась листовка «Ленин-освободитель». Не сомневаюсь, что и сейчас, когда я пишу эти строки, в тайных типографиях ЮАР на спрятанных в подвалах и гаражах печатных станках готовятся материалы к 60-летию Великой Октябрьской революции.

Делу, начатому Лениным и Октябрьской революцией, посвящает себя все больше людей. Уже в наши дни погиб молодой учитель Ахмед Тимол. Он был схвачен в Иоганнесбурге агентами специальной полиции и, как сообщалось, «упал» с седьмого этажа здания полицейского управления, разбившись насмерть. По-видимому, его просто выбросили из окна. Полиция заявила, что в багажнике его машины была найдена коммунистическая литература для рабочих. Соратники Тимола продолжают его дело.

К двенадцати годам тюремного заключения были приговорены молодой университетский преподаватель Давид Рабкин и его коллега. Как заявил прокурор, их гараж был превращен в «настоящую типографию, производящую подрывную пропаганду».

Достижения Советского Союза в решении национального вопроса на основе классового подхода, на основе марксизма-ленинизма, полная эмансипация различных народностей послужили важным уроком для колониальных народов. Колонизаторы не были способны понять ход истории и не желали удовлетворить законные требования угнетенных народов. Взяв на вооружение марксистское учение о национальном вопросе, освободительные движения приобрели более научный и революционный характер.

27-летняя студентка-медик Нкосазана Ндламини, бежавшая из Южной Африки после расстрела школьников Соуэто в июне 1976 года, заявила в интервью, что «суть проблем Южной Африки кроется не столько в расовых различиях, сколько в социально-экономической системе. Дело не в белом человеке, а в капитализме и империализме». По ее словам, коренное население осознает, что ненавидеть надо не белых рабочих, а толстосумов, присвоивших себе все богатства страны. «Демонстранты пели песни о Манделе, Сисулу, о белом коммунисте Брэме Фишере, — говорит Ндламини. — Ясно, таким образом, что народ знает своих лидеров».

Выступавшая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в ноябре 1976 года 22-летняя Сикоси Мджи, тоже эмигрировавшая из Южной Африки и включенная в первую делегацию АНК, направленную в ООН, говоря о жизни молодежи в нашей стране, сослалась на пример своей семьи.

«Мой отец был одним из основателей Молодежной лиги Африканского национального конгресса. Когда в 1960 году АНК был запрещен, за отцом установили строгий полицейский надзор. Он должен был регулярно являться в полицейский участок, получать заблаговременно разрешение на поездки по стране. Нас постоянно подвергали допросам, грубому и унизительному обращению. В августе 1976 года моего брата, который до недавнего времени возглавлял Организацию южноафриканских студентов, арестовали органы безопасности. В три часа ночи отряд в триста полицейских устроил облаву на территории Дурбанского медицинского института. Мой брат и многие его товарищи находятся сейчас в одиночных камерах. Над ними нависла смертельная угроза — в южноафриканских застенках часто гибнут заключенные[1]. Сославшись на закон о подавлении коммунизма, власти лишили моих родителей права свиданий с братом и даже отказались назвать тюрьму, в которой он содержится».

Кровь и гнев Соуэто

После расстрела школьников в Соуэто и последовавших за этим волнений сотни молодых людей покинули ЮАР.

Нкосазана Ндламини рассказывает:

«Те, кто покинул страну, твердо намерены вернуться назад. Они только хотят подготовиться к борьбе, чтобы помочь своему народу. Люди старшего поколения, рабочие, молодежь готовятся внести свою лепту в общее дело. Чаша терпения переполнилась, когда полицейские учинили расправу над детьми. Они и раньше безжалостно расправлялись с мирными демонстрациями, но никто не ожидал, что они будут хладнокровно расстреливать в упор детей. Возмущение и ненависть к системе вырвались теперь наружу».

Президент АНК Оливер Тамбо заявил с трибуны ООН: «Не хватает слов, чтобы описать благородный пафос сознательного самопожертвования черных юношей Южной Африки, сражающихся за освобождение своего народа и своей страны от сил угнетения и порабощения. Их отцы и матери, их братья не забудут своих близких, которые предпочли смерть рабскому существованию».

Национально-освободительное движение впитало в себя уроки революционного прошлого и в первую очередь опыт Советского Союза. Один из важнейших уроков — вера в безграничные возможности народа. История победы революционного народа в России, как сказал В. И. Ленин в докладе на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока, будет иметь «для всех народов Востока гигантское, всемирное значение. Она покажет народам Востока, что как ни слабы эти народы, как ни кажется непобедимой мощь европейских угнетателей, ...тем не менее революционная война, которую ведут угнетенные народы, ...таит в себе такие возможности, такие чудеса, что освобождение народов Востока является теперь вполне практически осуществимым...».

Вера в возможности широких масс, в том числе и народов колоний, теперь полностью подтверждена самим ходом истории. В Азии и Африке сотни миллионов людей бросили вызов империализму, совершили революции, завоевали политическую независимость, доказав таким образом решающую историческую роль народных масс.

В дни, когда все прогрессивное человечество отмечает шестидесятую годовщину Октябрьской революции, враги прогресса изо всех сил пытаются заслонить от народов притягательный свет социалистических идей. Терпя одно поражение за другим, империализм тщится ложью и клеветой перечеркнуть правду о социализме, о всепобеждающей коммунистической морали.

С победой Октябрьской революции и образованием социалистической системы, охватывающей страны Европы, Азии и Америки, само слово «свобода» обрело наконец истинный смысл. Социализм освободил рабочих от капиталистической эксплуатации, обеспечил рост благосостояния и повышение культурного уровня всего народа, а не привилегированной горстки. В коммунистическом обществе человеческая свобода достигнет полного расцвета и высочайшего развития. В Советском Союзе в настоящее время создаются материальные и духовные предпосылки для перехода к самой совершенной общественной формации. Мир с ожиданием смотрит на новые горизонты, открывающиеся перед СССР в год 60-летия Октября. То, что уже достигнуто Советским Союзом, без сомнения, приводит в замешательство империалистов и вдохновляет силы прогресса.

Должно быть, все это и имели в виду первые африканские социалисты, когда они встретили весть об Октябрьской революции 1917 года радостным восклицанием: «Большевики идут!»

Перевел с английского В. РАМЗЕС

[1] *АНК — массовая политическая организация коренного населения ЮАР, основанная в 1912 году. Запрещенный и загнанный в подполье, АНК ведет борьбу за свержение расистского режима. — Прим. ред.*

[1] *Эта статья готовилась к печати, когда из ЮАР пришла весть о новом преступлении расистского режима: погиб в тюрьме один из лидеров и основателей движения черного студенчества Стив Бико. — Прим. ред.*

КАК СОЛНЦЕ И ВОЗДУХ

Стефан ПРОДЕВ,
болгарский писатель

София. Митинг болгаро-советской дружбы.

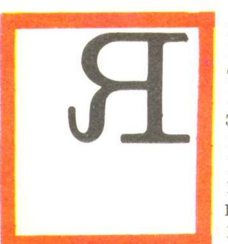
Современный человек не представляет себе мира без Великой Октябрьской социалистической революции. Я же не представляю без нее своей жизни. Все в ней — часть чуда, давшего миллионам таких, как я, судьбу и биографию. Я был еще совсем маленьким, когда начал делить людей на «красных» и «белых». Уже гимназистом я узнал, что такое листовка, тайная встреча, арестованный товарищ, риск.

Истина революции воспитывала меня сурово, но справедливо. Она вошла в мое сердце с поэзией Смирненского (выдающийся болгарский революционный поэт — 1898—1923. — Ред.) и именем Чапаева. До сих пор я не могу забыть «Аэлиту» Алексея Толстого. Это была первая советская книга, которая научила меня не только верить, но и фантазировать. Космическое путешествие инженера Лося стало для меня прекрасным откровением как раз в ту пору, когда я начал сознавать себя сыном нашей эпохи. Образ Мустафы из фильма «Путевка в жизнь» стал частью моей мечты... Так еще в самом начале моего становления свет Октября горел вокруг меня, так он зажегся и во мне. И его сияние не переставало согревать меня и давать мне силы даже в самые мрачные годы войны.

Стефан ПРОДЕВ родился в семье железнодорожника. Семнадцатилетним комсомольцем, членом подпольного Рабочего молодежного союза, он участвовал в восстании 9 сентября 1944 года против фашистской диктатуры в Болгарии. С. Продев — автор семи книг, содержащих публицистику, эссе, путевые заметки. Одна из них — «Весна гения» — переведена на русский, украинский, армянский и киргизский языки. Главный редактор журнала «Параллели» Стефан Продев — давний автор «Ровесника».

ПРАВО НА СОЦИАЛЬНЫЙ ОПТИМИЗМ

Гладис МАРИН,
член Политкомиссии ЦК Компартии Чили, Генеральный секретарь Коммунистической молодежи Чили

Я хочу посвятить эту новую встречу с читателями «Ровесника» разговору об эпохальном событии в жизни вашего народа и всего прогрессивного человечества, происшедшем накануне 60-й годовщины Октября, — принятии новой Конституции СССР. И хочу начать со статьи, которая прямо касается нас, чилийцев, вынужденных покинуть родину, — статьи 38, в которой говорится, что «СССР предоставляет право убежища иностранцам, преследуемым за защиту интересов трудящихся и дела мира, за участие в революционном и национально-освободительном движении, за прогрессивную общественно-политическую, научную или иную творческую деятельность». На протяжении всех 60 лет существования Советского государства ваша страна давала ярчайшие образцы осуществления на практике принципа пролетарского интернационализма. Тысячи и тысячи патриотов, подвергающихся преследованиям реакционных сил, нашли свой дом в СССР. Это касается и нас, латиноамериканцев, жителей континента, где в последние годы особенно активизировалась реакция. На своем собственном опыте я убедилась, насколько гуманна и актуальна эта статья Конституции СССР, и мы, чилийцы, представители других народов, глубоко признательны вашей стране за помощь и поддержку.

Имя Гладис МАРИН известно каждому советскому комсомольцу, переживающему трагедию чилийского народа как собственную боль. Вырванная из фашистской неволи солидарными усилиями мировой прогрессивной общественности, Гладис Марин и в условиях эмиграции отдает все силы борьбе за освобождение Чили от пиночетовского режима. Об этой борьбе она рассказывала в «Ровеснике» в апреле 1975 года.

Фашисты, захватившие власть в Чили, имеют наглость выставлять себя защитниками «прав человека», ежедневно эти элементарные права попирая. Более миллиона чилийцев вынуждены покинуть страну. Преследованиям подвергаются и общественные, профсоюзные организации. В частности, изданный фашистами декрет 198 подавляет всякую свободу деятельности профсоюзов. Гонениям подвергаются ученые, преподаватели, священники, и многие из них вынуждены укрыться за границей. Сейчас

Разумеется, то, что я говорю о себе, можно сказать о людях не только моего поколения. Но нас, родившихся спустя десять лет после Октябрьской революции, еще коснулось ее дыхание. Каждый из нас по-своему носил в душе ее великое эхо. Мы едва научились разбирать по складам букварь, когда Чкалов перелетел через Северный полюс и приземлился в Америке. Тогда один из нас, босоногих мальчишек, сказал: «А чего тут удивительного, ведь Россия больше Луны!» В этих детских словах отразилась наша вера в могучую силу Советской России. Мы еще не умели хорошо читать, но уже знали имена Папанина, Горького, Стаханова, Буденного. Совсем еще дети, мы уже спорили о том, что происходит в мире, и уже тогда были всем сердцем влюблены в Советский Союз. До сих пор это чувство живет в наших сердцах. Многие другие мечты и стремления не выдержали проверки временем, но эта любовь не угасла. Какими бы усталыми мы ни были, но, услышав песню о славном Железняке, мы сразу вставали. Эта песня стала нашим эмоциональным паролем, который связывает нас навсегда с Советской страной.

В те годы мы, болгары, жили еще в условиях капитализма, и Октябрь светился нам далекой призывной звездочкой. Много юношей и девушек моего поколения погибло на пути к ней. Она стала нашей святыней, без которой мы не мыслим своей жизни. Сегодня великая звезда Октября — наша осуществленная мечта. Благодаря народной победе она превратилась из символа в часть болгарской реальности. С ней связано все, что имеет и что когда-либо будет иметь мой народ. В свое время один мой товарищ, которого уже нет в живых, любил повторять: "Все начинается с Зимнего!" И он был прав. От Зимнего начался и путь болгарской свободы. Наш победоносный Сентябрь[1] немыслим без той тревожной октябрьской ночи, когда Ленин отдал приказ о вооруженном восстании.

С тех пор и до наших дней судьба болгарской революции неотделима от судьбы Советской России. Когда советские танки, успешно завершив Ясско-Кишиневскую операцию, вышли на Дунай, Болгария усыпала свои дороги цветами и виноградом. Она встречала не просто спасителей, а свою осуществленную революционную мечту. Тогда нам, ныне пятидесятилетним, было по семнадцать лет, и мы обнимали советских воинов как родных отцов. Для нас они были легендарными посланцами Октября, братьями, которых мы ждали с детских лет. Наконец-то «Чкалов приземлился» и у нас. Помню, что, когда я в первый раз произнес по-русски слово «товарищ», я заплакал. От радости. Передо мной стоял инженер Лось, тот, из «Аэлиты», в форме капитана Красной Армии.

Стали достоянием истории годы, когда нам приходилось прятать свою любовь к Советской стране. Конечно, наше настоящее единение с Советским Союзом пришло позже. Наступила пора строительства. Наши юношеские фантазии превращались в быль. Первый трактор, который распахал межи на болгарских полях, был советским. В моем воображении он был схож с танком. Не из-за гусениц, а потому, что он шел напрямик сквозь дикий мир старого собственнического сознания. В те дни классовый враг был еще силен и не боялся язвить по поводу наших первых коллективных борозд. Но скоро ему стало не до смеха. Советский трактор, уничтожив межи, и с него сбил спесь. Именно тогда Георгий Димитров заявил, что дружба с Советским Союзом необходима Болгарии, как солнце и воздух необходимы всему живому. Вряд ли есть в нашей политической литературе образ прекраснее и точнее этого. В нем слиты любовь к Советской стране и историческая предопределенность будущего Болгарии. Иногда западные радиостанции называют Болгарию «сателлитом» СССР. Готов простить им это слово. Ведь они давно уже забыли смысл и богатство чудесного слова «брат».

Мне посчастливилось не раз путешествовать по Советской стране. Много раз я прикасался к вещам, о которых до этого знал только по книгам и кинофильмам. И много раз сердцем чувствовал, что я не только друг этой страны, но и ее патриот. У меня дома в книжном шкафу лежат два кусочка кирпича. Один кусочек — обломок Брестской крепости, другой — красной мельницы в Сталинграде. Для меня они нечто гораздо большее, чем прихоть любителя сувениров или обыкновенное воспоминание. Они живая частица всего моего мировоззрения. Как и каждый советский человек, я, болгарин, немыслим без них. Немыслим, потому что в страшные ночи войны они защищали и Болгарию.

Во время одной прогулки по Ленинграду я встретил пожилого человека, который сказал мне: «Мой дед был членом кружка Благоева»[1]. Я вспыхнул от волнения. Почувствовал, что встретил своего родственника. Так мы, болгары, никогда не ощущаем себя иностранцами на земле Ленина. Эта земля хранит тысячи имен и воспоминаний, которые роднят нас с огромной советской семьей. В Иркутске я был в гостях у старого солдата, освобождавшего Болгарию от фашистов, Константинова. В знак нашей дружбы мы с ним посадили дерево, нежную белоствольную березку, привезенную из сибирской тайги. Когда мы опустили ее корни в землю, Константинов обнял меня и воскликнул: «Ура!» Мы чокнулись кружками и заплакали. Старый воин не стыдился слез. Я тоже. Настоящих чувств не стыдятся.

Вначале я сказал, что все в моей жизни освещено пламенем Октября. И я не преувеличил. Биография моего поколения — часть биографии времени, немыслимого без выстрела «Авроры», без великого подъема Питера в октябре 1917-го...

Перевела с болгарского О. РЖАННИКОВА

---

[1] *9 сентября 1944 года в Болгарии произошла социалистическая революция. Эта дата стала национальным праздником болгарского народа — Днем свободы. — Прим. ред.*

[1] *Благоев Димитр (1855—1924) — основатель болгарской революционной марксистской партии «тесных» социалистов, преобразованной в 1919 году в коммунистическую партию. Учась в Петербургском университете, создал одну из первых в России социал-демократических групп. — Прим. ред.*

в Чили осталось всего шесть тысяч врачей. Не легче приходится и людям искусства: ненависть ко всему прогрессивному побудила гестапо Пиночета поджечь театр, где шла пьеса известного чилийского поэта Никанора Парры «Фиговый листок», было также подожжено помещение художественной галереи «Вог».

Так сложилась моя жизнь, что сегодня у меня есть основания судить о том, как осуществляются права, записанные в конституциях многих буржуазных государств. Возьмем для начала нашу страну. В Чили более столетия существовала политическая система, которую буржуазные историки и пропагандисты называли «образцом демократии». Тем не менее к концу 60-х годов масштабы реальных завоеваний, которых добились чилийские трудящиеся, то есть большинство чилийцев, ничего общего не имели с той идеальной картиной, которую пытались нарисовать апологеты этой «образцовой демократии». Сотни тысяч чилийцев ютились в трущобах, в «жилищах», сколоченных из досок и обломков, подобранных на свалке. Десятки тысяч детей были лишены возможности посещать школу. А многие из тех, кто ходил в школу, даже зимой являлись на уроки без пальто и босиком. Более 50 процентов чилийских детей страдали от недоедания. Безработных насчитывалось свыше 200 тысяч. Конституция 1925 года формально провозглашала право на образование, подчеркивая, что образование для народа должно быть первостепенной заботой государства. Провозглашалась и необходимость справедливого распределения материальных благ. Но для большинства чилийцев, прежде всего для рабочих и крестьян, эти декларации оставались пустым звуком.

Компартия Чили, комсомол со дня своего основания отстаивали и отстаивают право трудящихся на социально справедливую жизнь: справедливую оплату и нормальные условия труда, право на образование и право на отдых.

Наибольшие успехи на этом пути были достигнуты с приходом к власти правительства Народного единства. При правительстве товарища Альенде был сделан важный шаг в деле формирования нового человека. Одну из своих главных задач правительство Сальвадора Альенде видело в разрешении насущных проблем, волнующих наш народ, проблем, затрагивающих те социальные слои, которые подвергались наибольшей дискриминации. Рабочие и дети рабочих получили право поступать в университет. Мы отстаивали право каждого чилийского ребенка ежедневно получать пол-литра молока, право каждого чилийца на труд, на бесплатную медицинскую помощь. Огромные усилия предпринимались для решения жилищной проблемы, которая всегда была одной из острейших проблем Чили.

Пиночет и его сообщники, захватившие власть ценою крови тысяч людей, смеют утверждать, что сделали это ради «спасения» Чили! Фашисты отменили конституцию, уничтожили все завоевания нашего народа, втоптали в грязь его права, включая право на самое ценное, что есть у человека, — на жизнь. Тысячи патриотов лишены свободы, «пропали без вести», и на все запросы об их местонахождении не удается получить никакого ответа. У нас есть все основания опасаться за их жизнь — ведь фашисты уже уничтожили более 30 тысяч демократов. За четыре года более 100 тысяч чилийцев прошли через тюрьмы и концлагеря. Свыше десяти процентов

чилийцев лишены возможности жить в своей стране. Более 3 миллионов чилийцев не имеют средств к существованию, и это те, кто в состоянии работать. Студенты вынуждены расставаться с учебой, так как плата за обучение достигла громадных размеров.

В то же время фашизм создал благодатную почву для всего того, что разлагает общество, — проституции, нищенства, азартных игр, наркомании. Множество детей восьми лет и младше слоняются по улицам, по стройкам в надежде хоть чем-нибудь заработать на кусок хлеба, роются в отбросах в поисках пищи.

В составе делегаций представителей демократических сил Чили я посетила разные страны, в частности Соединенные Штаты. В Нью-Йорке, Чикаго, других городах я видела кварталы, где трудящиеся латиноамериканского происхождения, главным образом пуэрториканцы, а также негры, другие парии американского общества живут в ужасающих условиях, в тесноте и грязи. Их десятки миллионов, этих несчастных. Из разговоров с ними я убедилась, что слова «равные права», «права человека», «свобода», «демократия» звучат для них горькой иронией.

Недавно я побывала в Федеративной Республике Германии, где, как и в США, ширится движение солидарности с чилийским народом. В этой стране тоже достаточно несправедливостей. Например, молодых коммунистов лишают работы. Чего тогда стоят положения конституции о свободе мысли, о свободе высказывать свои взгляды?

Совершенно очевидно, что гражданские права, провозглашенные в основных законах капиталистических стран, на практике не осуществляются. В то же время в конституциях Советского Союза, других социалистических государств ясно, без каких-либо недомолвок говорится о реальных гарантиях осуществления провозглашенных прав, то есть гражданские права не только декларируются, но и обеспечиваются.

История, действительность многократно подтверждала такую истину: до тех пор, пока средства производства, национальные богатства находятся в руках меньшинства, в руках монополий, как бы красиво ни была составлена конституция, какие бы права человека она ни провозглашала, права эти останутся на бумаге. Для их осуществления нужна соответствующая социально-экономическая база. Социализм — вот единственная социально-экономическая система, которая может обеспечить подлинное осуществление прав, провозглашенных конституцией.

В СССР, где вся власть принадлежит народу, народ может и должен активно участвовать в управлении страной, в решении задач созидания, в строительстве материально-технической базы социализма. В новой Конституции СССР сказано, что организации, созданные народом, ведомым его авангардом — Коммунистической партией Советского Союза, являющейся «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы», «профессиональные союзы, Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи, кооперативные и другие общественные организации в соответствии со своими уставными задачами участвуют в управлении государственными и общественными делами, в решении политических, хозяйственных и социально-культурных вопросов». Впервые в законодательном порядке ВЛКСМ и другим общественным организациям отводится важная роль в решении задач общества. Это говорит о том, как бережно охраняются права и интересы юного поколения при социализме. Что скажут в ответ на это миллионы молодых граждан капиталистических стран, которые не только не участвуют в управлении государством, но и не пользуются элементарными правами?

Возьмем Францию, ФРГ, Италию, любую другую капиталистическую страну. Молодежные организации не имеют здесь никаких возможностей активно участвовать в решении судеб страны, не существует материальных предпосылок для того, чтобы каждый молодой человек мог развиваться гармонично. В этих странах, к великому стыду и сожалению, обыденным явлением стала — вопреки формальным запретам — нещадная эксплуатация детского труда. И эта несправедливость творится в то время, когда миллионы юношей и девушек пополняют армию безработных. Где уж тут говорить об участии в политической, экономической, общественной или культурной жизни страны!..

В разделе «Экономические отношения» конституции Итальянской Республики от 1947 года обозначены права трудящихся в производственной сфере, при распределении национального дохода. И это было важным достижением итальянских прогрессивных сил. Но в обществе, основанном на частной собственности, разве может человек труда воспользоваться этими правами? В Италии от безработицы страдают более трех миллионов человек, а еще шесть миллионов, спасаясь от этого бедствия,

В нашей стране, стране развитого социализма, есть и всегда пребудет один привилегированный класс: дети. Все, что необходимо юным гражданам Советского Союза, чтобы стать образованными, гармонически развитыми, социально ответственными людьми, представляет первейшую государственную заботу — школы и стадионы, здравницы и Дворцы пионеров. Только этим летом в 37 тысячах пионерлагерей отдохнуло 11 миллионов 100 тысяч ребят. Один крымский «Артек» за год принимает 25 тысяч школьников из всех уголков Советского Союза. Высшим гуманизмом нашего социалистического общества продиктовано возведение заботы о юном поколении в ранг конституционного закона. «Граждане СССР обязаны заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно полезному труду, растить достойными членами социалистического общества», — гласит статья 66 Конституции СССР.

На снимке: «Артек» в дни Международного детского фестиваля «Пусть всегда будет солнце!». В гостях у пионеров — Гладис Марин.

вынуждены эмигрировать, но и на чужбине они не застрахованы от безработицы.

Какой прок американцам от провозглашенного в конституции права зарабатывать себе на жизнь, если в действительности, по официальным данным, в стране 6,9 миллиона «лишних» для производства людей, а по данным профсоюзов — даже 10 миллионов!

Только что принятая Конституция СССР вновь подтверждает равенство прав мужчин и женщин. Такое равенство в СССР — повседневная реальность. За период с 1926 по 1974 год доля женщин среди рабочих и служащих возросла с 23 до 51 процента. В Верховном Совете СССР женщины составляют более 48 процентов.

Какой контраст с положением женщины в капиталистических государствах! Швеция, к примеру, — развитая страна, но и в этой стране женщина получает за равный с мужчиной труд на 30 процентов меньше.

Вернемся, однако, к моей родной Чили. Посмотрим, как относятся к творящимся в ней беззакониям те политики буржуазных стран, которые столь рьяно ратуют за права человека. В свое время приход новой администрации в Белый дом породил определенные иллюзии в некоторых кругах Чили, находящихся в оппозиции к фашистской хунте. Дело в том, что в ходе предвыборной кампании нынешний президент Соединенных Штатов в довольно резких выражениях осуждал чилийскую военную хунту и критиковал своего соперника, бывшего президента Форда, за поддержку хунты. Шло время, все так же в Вашингтоне размахивали флагом борьбы за «права человека», но уже становилось совершенно ясно, что кампания эта не за человека, а против определенных стран — СССР и других социалистических государств.

С другой стороны, Белый дом продемонстрировал готовность поддерживать хорошие отношения с фашистским режимом. Недавно это еще раз подтвердила длившаяся более часа «сердечная встреча» между Дж. Картером и диктатором Пиночетом. 6 сентября в Белом доме Картер дружески пожимал запятнанную кровью руку главаря хунты. И это несмотря на то, что Пиночет до сих пор отказывается выполнить свое собственное обещание, данное Генеральному секретарю ООН, — предоставить сведения о судьбе «исчезнувших» политических узников. Это обещание он дал после героической голодовки родственниц патриотов, которые числятся среди «пропавших без вести», но, как совершенно очевидно, находятся в лапах пиночетовских палачей. Их число превышает две с половиной тысячи. Две с половиной тысячи попранных жизней и прав.

Хочу ясно сказать: мы не просим, чтобы США вмешивались в чилийские дела. Напротив, пусть они перестанут вмешиваться, прекратят поддерживать Пиночета.

Любопытно, что фашистскому путчу в Чили предшествовало манипулирование реакции общественным мнением некоторых социальных групп. Причем делалось это со ссылками на гражданские свободы, записанные в действовавшей тогда в стране конституции. Иными словами, конституция была использована в интересах захвата власти антиконституционным режимом. Та шумная антиправительственная, контрреволюционная кампания, развязанная в Чили в 1973 году под руководством американских секретных служб и прежде всего ЦРУ (это было убедительно доказано в ходе расследования, проведенного в конгрессе США), развертывалась под фальшивым лозунгом «защиты свободы и демократии». Те, кто направлял контрреволюцию, ловко сочетали пропагандистскую шумиху с мерами экономического давления, фактически установив экономическую блокаду Чили, поощряя спекуляцию, черный рынок и террористические акции. Само ЦРУ назвало подобную тактику «дестабилизацией».

По отношению к тем социальным слоям, чьи коренные интересы не были затронуты мерами правительства Народного единства, применялась тактика психологического запугивания. Таким людям путчисты внушали, что правительство С. Альенде в конце концов лишит их гражданских прав и свобод. В итоге средние и мелкие предприниматели, аграрии и другие представители «средних» слоев оказали поддержку фашистам, изображавшим себя «защитниками свободы и демократии».

При правительстве Народного единства продолжала действовать конституция 1925 года, устанавливавшая право на забастовку, на демонстрации. Правые вывели своих сторонников на улицу. Состоялся так называемый «марш пустых кастрюль», устроенный матронами из аристократических кварталов. Последовали забастовки врачей, владельцев грузовиков. При этом реакция упирала на провозглашенные конституцией гражданские свободы.

Судебные власти оставались прежними, и в этом для нас суровый урок. Эти власти, естественно, защищали интересы буржуазии, попустительствовали противозаконным подрывным действиям реакции, прилагали все усилия с целью довести дело до свержения правительства Народного единства.

Вот что говорилось об этом на августовском пленуме ЦК Коммунистической партии Чили: «Принципиальной ошибкой было проявлять слабость, терпимость, не пресекать подрывных действий врага, его злоупотреблений свободами, освященными конституцией... Наш опыт показывает, что революционеры должны отстаивать свободу для народа, а не для его врагов. Революция дает и должна давать больше свободы народу и не должна позволять контрреволюции поднимать голову».

Мне хотелось бы сегодня подчеркнуть вот какой момент: Советская Конституция закрепляет основы общества, за которое боремся и мы. Вот почему большую ценность имеют для нас все ее статьи.

Особо принципиальное значение, на мой взгляд, имеют те положения Основного Закона, которые законодательно провозглашают миролюбивый характер Советского государства, решительно запрещают пропаганду войны, подчеркивают необходимость борьбы за мир, последовательный интернационализм СССР. Чрезвычайно важное значение имеет статья о руководящей роли КПСС, которая, и это подчеркивается в Конституции, «существует для народа и служит народу».

Или обратимся к статье, которая гарантирует для каждого советского гражданина право на жилище. Это одно из наиболее жизненно важных прав человека. В качестве члена руководства Компартии и Коммунистической молодежи Чили мне не раз приходилось участвовать в выступлениях чилийцев за обеспечение домашнего очага. Речь даже не шла об отдельных домах или квартирах. Порой люди добивались хотя бы клочка земли, на котором можно было бы поставить хибару. Сейчас у нас на родине иметь крышу над головой — для многих большая роскошь.

В каждой статье Конституции СССР отражены реальности социалистической демократии, ее содержание, достижения советского народа. По мере того как развивается и крепнет социалистическое общество, укрепляются и расширяются личные свободы гражданина Страны Советов. Участие в управлении и право на критику — вот, на мой взгляд, два рычага, позволяющие ускорить прогресс общества.

Мне представляется очень важной и статья 69: «Интернациональный долг гражданина СССР — содействовать развитию дружбы и сотрудничества с народами других стран, поддержанию и укреплению всеобщего мира».

Бесчисленны проявления солидарности советского народа по отношению к нам, чилийцам, и поистине бесценна братская помощь, которую он оказывает нам в эти трагические для нашей родины дни. Пролетарский интернационализм в крови у советских людей, и это мы ощущаем всем сердцем при каждой встрече с советскими комсомольцами и пионерами, рабочими и учеными, писателями, артистами, спортсменами.

Чилийский народ, рабочий класс, наша молодежь всегда с большим вниманием следили за успехами Советского Союза, тем более теперь, когда землю Чили топчет фашистский сапог. Всем сердцем воспринимает наш народ достижения советских людей. И если эти достижения бесят фашистов, то людям труда они придают силы, вселяют надежду на скорое освобождение.

Фашистская печать не могла проигнорировать столь крупное событие, как публикация текста Конституции СССР, но, напечатав сообщение, она тут же поспешила выступить с комментариями, в которых делаются попытки дискредитировать этот документ, очернить его в глазах народа тем более, что положения Конституции многим хорошо известны по передачам Московского радио «Слушай нас, Чили!». Фашисты чувствуют, что как Конституция в целом, так и отдельные ее статьи — это оружие в руках патриотов, веский аргумент для всех, кто борется за демократию.

Текст Конституции СССР настолько ясен, его положения настолько убедительны, что, несмотря на все попытки хунты извратить его, чилийский рабочий класс не дает себя обмануть, он высоко оценивает завоевания советского народа. Важно еще и то, что в Чили продолжает распространяться подпольная печать, которая говорит людям правду.

Вот что я хотела сказать молодым читателям «Ровесника», которых от души поздравляю с прекрасным праздником советского народа и всех прогрессивных людей мира, с 60-летним юбилеем Советской власти. Ваша революция, начатая в далеком и голодном семнадцатом, продолжается, утверждая в новой Конституции право на счастье, творчество, социальный оптимизм.

Перевел с испанского В. ЧИРКОВ

ПРАВДА, КОТОРУЮ НЕ ОДОЛЕТЬ

Джеймс ОЛДРИДЖ,
английский писатель

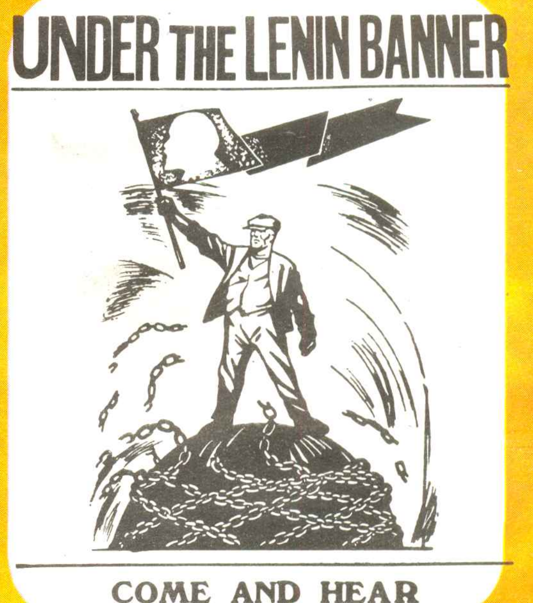
Не так давно я сидел перед телевизором и, что называется, клевал носом (дело было к ночи), как вдруг сонливость с меня словно рукой сняло. Показывали американский фильм, из очень старых. В роли героя был Джордж Рафт, голливудская «звезда» той поры. Время действия — вторая мировая война. Сюжет был утомительно запутанным, и меня, как я говорил, стало клонить ко сну.

И тут промелькнуло упоминание о Советском Союзе. Не та пакость, которой обычно заполнен наш эфир, а напротив — доброе слово, проблеск симпатии, да вот и героиня советская. Я не верил своим глазам. И только когда я окончательно стряхнул дремоту, все для меня встало на свои места. Фильм-то снимался во время войны. Мы были союзниками, сражались против общего врага, и тогда считалось, что надо проявлять дружелюбие к Советскому Союзу, который, по признанию Черчилля, «вытягивал все жилы из нацистских войск». Сам по себе фильм оказался посредственным, но не в этом дело: он был одной из немногих картин, дававших нам передышку от пропаганды ненависти к СССР, пропитывавшей нашу культуру много лет подряд.

Увы, эта передышка не затянулась. «Холодная война» наложила запрет на любое проявление симпатии к нашему бывшему союзнику. Вот и сейчас наши газеты, кинематограф, телевидение потчуют публику перепевами пропаганды «холодной войны». В одной упряжке с ее проповедниками и закоренелыми антисоветчиками оказались даже те, кто, судя по их политическим воззрениям, вроде бы должен симпатизировать идеалам советского общества.

Причем наскоки на Советский Союз редко когда бывали такими злобными. Наша печать и телевидение очерняют все советское, кроме разве некоторых аспектов спорта и культуры. Главным объектом антисоветских мифов, полуправды и откровенной лжи служит социально-политическая сфера. Последнее время, например, газета «Таймс» и телевидение (как государственная компания Би-би-си, так и частные) запугивают англичан, внушая им, что необходимо наращивать численность наземных войск, авиации и ядерных бомб, чтобы отразить нависшую опасность «советского вторжения» в Западную Европу. Если верить им, то советские танки не сегодня-завтра ворвутся в Западную Европу, где, однако, решительные британские солдаты с пушками и атомными бомбами дадут отпор противнику, умудрившись при этом каким-то таинственным способом не навлечь опасность на нашу прекрасную Британию. И этот вульгарный шовинистический бред преподносится нам не только «кремленологами» и «военными экспертами», но и некоторыми ведущими политическими деятелями Англии.

«Руки прочь от Советской России!», «Хватит с нас войны!» — под такими лозунгами прошла в августе 1920 года в Лондоне конференция рабочих организаций Англии. Плакат, воспроизведенный здесь, был выпущен в Англии в честь первой годовщины Октябрьской революции.

Почему они это делают? Откуда в них столько ненависти, под действием которой они подталкивают нас к военно-политической стратегии, чреватой войной и тотальным разрушением наших островов? Что делает всех этих вежливых джентльменов, этих «экспертов», взвешивающих каждое свое слово, этих обходительных представителей нашей политической системы столь слепыми, столь заносчивыми и опасными?

На эти вопросы есть сотни ответов, но все они сводятся к одному: к самому факту существования СССР. «Его не должно быть» — вот что засело в сознании всех злобствующих элементов западного общества. На протяжении шестидесяти лет на Западе всегда были силы, которые старались не замечать Советский Союз, как если бы его вообще не существовало. Они жаждали некой волшебной палочки, взмах которой перечеркнул бы очевидное. А не найдя ее, пытались смести СССР с лица земли при помощи пушек и бомб. Опять ничего не добившись, они опять старались убедить народы Запада, что Советскому Союзу должно быть отказано в праве на существование.

Джеймс ОЛДРИДЖ опубликовал свою первую статью в «Ровеснике» еще в июле 1962 года. Его напутствие журналу — размышления о месте и роли молодого поколения в современном мире — открывало первый номер «Ровесника». С тех пор замечательный английский романист, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», стал постоянным автором журнала, выступая на самые разнообразные темы из жизни английского общества, его молодежи, а также с публицистическими статьями о более общих проблемах борьбы за мир и социальный прогресс на Земле.

Мы сейчас наблюдаем именно такие потуги: как бы это убедить англичан, что даже и сейчас СССР не место на земле? Но вот что любопытно: стараясь изжить из нашего сознания Советский Союз, приучить нас закрывать глаза на факт его существования, эти джентльмены оказываются перед противоположным результатом. Их попытки вытравить СССР из нашего сознания только еще больше привлекают к нему наше внимание.

Своими угрозами и запугиваниями они не сокрушают Советский Союз, а, напротив, невольно признают его силу и неприступность.

Противоборство идей идет повсюду, во всем мире. Решающую роль в глобальной ситуации играет вопрос: какая из сторон способна предложить идеи, которые преобразуют мир из раздираемого кризисами взрывоопасного общества в общество разумное и честно управляемое, в общество без войн, нищеты, эксплуатации и упадочнической культуры?

К этому выбору, хоть не все его четко видят, приводит каждый аспект современного развития. Вот отчего паникуют недруги Советского Союза. Вот отчего практически ни одна статья на международные темы в нашей прессе не обходится без упоминания о первом социалистическом государстве и влиянии его идеологии в глобальном масштабе.

У нас очень много пишут и вещают о человеческих правах в Советском Союзе и в остальном мире, искажая действительное положение вещей. Средства массовой информации и политические деятели стремятся привлечь наше внимание к чисто индивидуалистским и анархическим концепциям «абсолютных» прав некоего «абсолютного индивидуума». Эта концепция свободы замыкает человека в мире его личных страхов, что, конечно, очень удобно для буржуазии, поскольку речь может идти только о сугубо личных решениях. Это последняя линия обороны буржуазии, так как здесь логически завершается вся ее история.

И вот нас закармливают концепцией «абсолютной» личной свободы, а в результате необходимость социального базиса для настоящей свободы не только затемняется, но и совсем теряется из виду в океане индивидуалистских и нигилистических абсолютов. Печально, что этой концепции поддались даже наши левые партии.

О социальной основе свободы у нас стараются не писать. А когда и пишут, то непременно запутывают дело рассуждениями об индивидуальных правах, не ведущими ни к какому решению. При этом любое общество, ставящее на первое место социальное поведение, социальные условия и социальную ответственность, немедленно объявляется «несвободным».

Впрочем, такого рода рассуждения модны главным образом в кругах некоторых «интеллектуалов». Зато этого не скажешь о трудящихся и даже отдельных элементах из буржуазии, начинающей испытывать на себе тяжесть экономических проблем, порожденных нашим обществом. Но снова выходит так, что наши господа, нападая на СССР в этом вопросе, тем самым побуждают нас взглянуть на проблему пошире. Во всяком случае, полтора миллиона английских безработных не очень-то рады принять «абсолютную личную свободу» как цену за «свободу» быть без работы.

И раньше выдвигались тысячи способов решения наших проблем, а теперь, когда упор делается на индивидуализм, альтернатив рождается и подавно много — сколько умов, столько идей. Что и преотлично, что и нужно нашим господам, ибо им выгодно такое вавилонское столпотворение в идеологии и политике.

Единственная же настоящая альтернатива — это четко очерченная социальная система, которая реально существует и действует. Тысячи людей в нашем рабочем движении, в профсоюзах, в лейбористской партии считают Октябрь примером, который следует изучать со всей серьезностью и вниманием. Речь идет не о догматическом копировании этого примера, не о точном повторении пути. Но зато есть искренняя уверенность, что мы должны видеть в обществе, рожденном 1917 годом, рабочую модель для себя, понять, как оно действует, каковы его проблемы, каковы его взаимоотношения с личностью и куда оно поведет человечество, когда — в той или иной своей вариации — станет глобальной системой. Вот чего мы хотим, изучая достижения советского общества. Итак, битва идей продолжается. Нас стараются одурманить, запутать, внушить нам смертельный страх перед новой концепцией человеческих отношений. Прошло уже шестьдесят лет с того дня, когда мир был сотрясен при воплощении этой идеи в жизнь, но эффект ее ощущается в полной мере именно сейчас.

Перевел с английского С. ДАНИЛОВ

(АПН — специально для «Ровесника»)

ПОСТИЖЕНИЕ СМЫСЛА СЧАСТЬЯ

Антон РЕФРЕЖЬЕ,
американский художник

тот телефонный звонок раздался через несколько дней после моего возвращения из Мексики, где я работал всю зиму. «Это журнал «Ровесник», — донеслось из трубки (Москва: березы, Кремль, телевизионная башня, цветы в Александровском саду, Союз художников на Гоголевском бульваре и дорогие, добрые друзья, с которыми я встречался в Советском Союзе, — все это всплыло в памяти). — Антон Антонович, — сказал знакомый голос редактора, — у нас здесь собирается интересная компания старых друзей и авторов «Ровесника». Место встречи — страницы ноябрьского номера. Не примете ли участие?»

Положив трубку, размягченный разговором, обрадованный чувством такого тесного контакта с Москвой, такого ощутимого звукового соприкосновения благодаря тонкой ниточке связи, я сидел, размышляя над темой, о которой меня просили написать.

Я думал о собственной жизни, в которой события Октября 1917 года оставили такой глубокий след. Тогда, в семнадцатом, мне было двенадцать лет. Революция принесла моей семье и окружавшим ее людям смятение, неуверенность и страх. (А. Рефрежье родился в Москве в семье французского инженера, женатого на русской. — Ред.) Мои близкие ее не поняли. И когда моя мама узнала о предстоящем отъезде из России большой части французской колонии, она решила, что нам тоже нужно отправляться в Париж.

Наш поезд доехал только до финской границы: мост через реку оказался взорванным, и нам пришлось перебираться по его обломкам пешком. В те минуты, помню, мне хотелось, чтобы мы остались. Конечно, я еще не понимал, что такое социализм. Тогда я был весь под впечатлением пережитого — недавнего голода и холода Москвы, гражданской войны. Это было чувство, которое я вряд ли бы смог объяснить. Но позже, в Париже, читая в газетах сообщения о поражении барона Врангеля и разгроме белой армии, я радовался им.

Мое первое осознанное знакомство с Октябрьской революцией состоялось в Нью-Йорке. (Семья Рефрежье перебралась туда в 1921 году. — Ред.) Произошло это, должно быть, году в двадцать шестом, когда на Бродвее случилось необычайное событие: показ фильма «Броненосец «Потемкин», глубоко и надолго запомнившегося нам и всему остальному миру. «Броненосец «Потемкин» был не только встречей с новым и великим искусством, но и моим первым контактом с Советским Союзом, с культурой нового, социалистического общества. Инициаторами этого киносеанса были выдающиеся мастера кино — Чарльз Чаплин, Мэри Пикфорд, Дуглас Фербенкс. Потребовался авторитет этих людей, чтобы одолеть антисоветски настроенных деятелей, препятствовавших демонстрации фильма.

Наступил 1929 год, принесший с собой экономический крах. События того времени оказали серьезное влияние на американскую интеллигенцию. Мы стали подвергать сомнению нашу социальную систему, бывшую источником страданий и лишений для миллионов американцев. Это было время социальной борьбы, единения людей, поисков новых решений, ответов. В том числе и в мире

С художником-коммунистом Антоном РЕФРЕЖЬЕ мы познакомились еще в 1973 году; он принимал участие в работе Всемирного конгресса миролюбивых сил. Антон Антонович (он, кстати, говорит по-русски) всегда с готовностью откликается на просьбы «Ровесника», предоставляя редакции не только свои мастерски исполненные, то социально острые, то полные тонкого лиризма рисунки, но и интересные очерки на темы искусства, воспоминания, рожденные большим жизненным опытом.

искусства, где идеи, только вчера казавшиеся истинными, оказывались более непригодными. По-новому стали складываться взаимоотношения в нашей среде — среде художников, менялось и наше отношение к остальному миру. Мы обнаружили, что буржуазия всего лишь ненадежный покровитель, и почувствовали своего потенциального союзника в рабочем классе. Тогда возникало много новых организаций. Мы, художники, основали «Клуб Джона Рида»; мы выбрали имя, которое стало символом нашей позиции. Как Джон Рид открыл для себя СССР, так и мы открывали культуру Советского Союза, взволнованные его фильмами, искусством плаката, графикой. Мы не занимались вопреки утверждениям наших противников пропагандой советского строя — скорее мы искали свою собственную дорогу.

С таким же интересом и волнением мы наблюдали в это время за развитием мексиканской настенной живописи Диего Риверы, Ороско и Сикейроса, понимая, что их вдохновляет: Октябрьская революция, Маркс, Ленин, свежая волна гуманизма. Идеи Октября побудили Диего Риверу бросить кубистские эксперименты в Париже и посвятить себя живописи для рабочих и крестьян Мексики.

Художники нашего клуба решили создавать новую, пролетарскую культуру. Мы хотели жить в родстве с рабочим классом, хотели трудиться в чистом, здоровом союзе с рабочими. Мы ездили к шахтерам, к металлургам, делали рисунки, недорогие плакаты, гравюры...

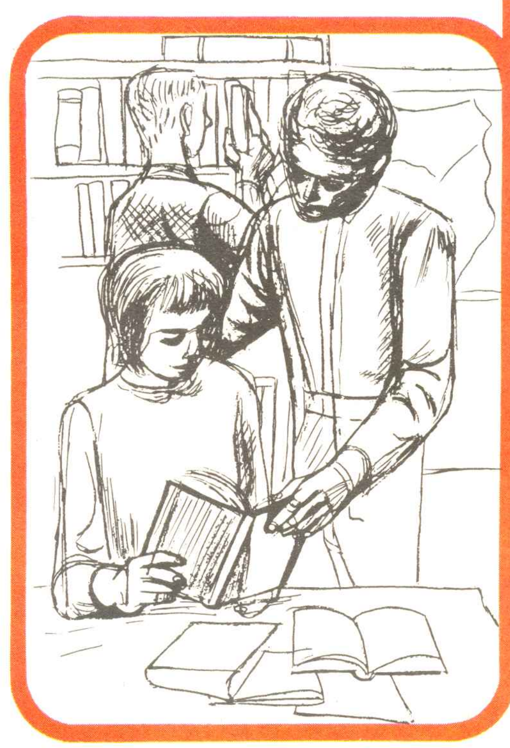
На этом мои воспоминания были прерваны стуком в дверь. Вошла симпатичная девушка-индианка. Оказалось, что она распространяет подписку на журналы и тем зарабатывает себе на учебу. Мы разговорились. Ее удивило, что я много знаю об участи индейцев — об их истреблении в годы освоения Запада, о нынешнем бедственном положении в резервациях, о большом проценте смертности, о расовой дискриминации и об индейских восстаниях последних лет — событиях, которые привели к возрождению чувства собственного достоинства и самоуважения у людей, чьи предки веками принуждались к жалкому существованию. Наш разговор взволновал мою собеседницу, и с тем большим интересом она слушала мои рассказы о том, что я видел в советских республиках, об угнетенных при царизме народах Туркмении, Азербайджана и Грузии и о полном уничтожении этого гнета.

Когда она ушла, я подумал: вот даже это случайное посещение напомнило мне об одном из самых значительных достижений Октября — разрешении национальной проблемы. Всем нациям и народностям было обеспечено экономическое развитие, государство заботится об их традиционных культурах, гарантируя тем самым их равенство во всех областях человеческого существования. Почему, думал я, у нас в Америке, где столько образованных людей, где столько ученых книг написано на эту тему, где нынешнее обращение с нашими меньшинствами — неграми, пуэрториканцами, мексиканцами, индейцами — огорчает некоторых честных людей, причастных к управлению страной, почему мы все же не в состоянии обеспечить полное экономическое и социальное равенство для наших меньшинств?

Урок налицо. Тот день в Октябре был отправной точкой на пути, приведшем Россию к полному освобождению от са-

Эти рисунки сделаны Антоном РЕФРЕЖЬЕ во время его поездки по нашей стране и вошли в книгу, изданную в Нью-Йорке, которая так и называется: «Путешествие художника». Вот что он пишет в комментариях к собственным рисункам:

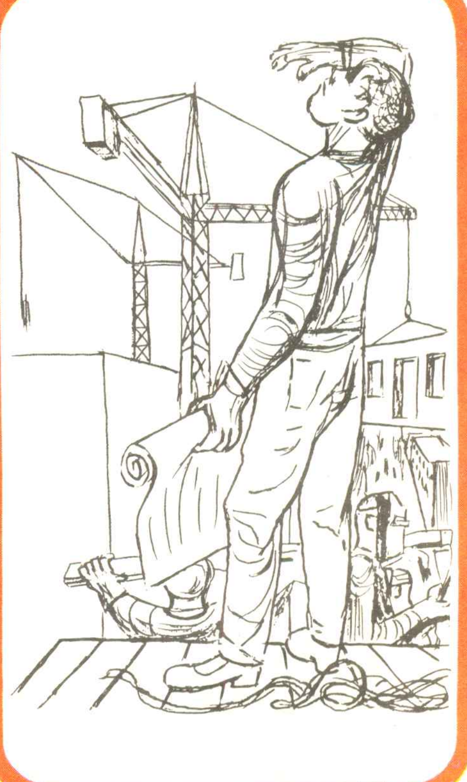

«Глядя на советских студентов, занятых своими делами в аудиториях и общежитиях МГУ, танцевавших на палубе теплохода на Волге, купавшихся на черноморских пляжах или ожесточенно споривших перед модернистскими картинами в Эрмитаже, я думал о том, как было бы здорово свести их вместе с нашими студентами, чтобы они познакомились друг с другом. Какая бы при этом возникла преграда войне — гарантия жизни!»

«...Чудесная это была находка — походив по Кремлю и выйдя через ворота на Красную площадь, увидеть на фоне Спасской башни девочку, кормящую голубей».

мого варварского обращения с меньшинствами по старой имперской схеме. Урок по столь острому во многих частях «свободного мира» вопросу должен быть извлечен из опыта Октябрьской революции. Так много наших трудных вопросов революция решила еще в тот день.

Это касается, например, прав женщин. Наши американские женщины низведены до положения людей второй категории. В семейной жизни — экономическая зависимость от мужа; на работе — меньшая, чем у мужчины, плата за тот же труд; дискриминация в медицине, системе образования, искусстве, политике. Благодаря борьбе, которую женщины ведут в последние годы, здесь произошли некоторые, порой даже чувствительные, изменения. Но по-настоящему и принципиально вопрос был решен уже давно, и было это в одной точке планеты в холодный октябрьский день.

Однако главным даром революции была ликвидация аморальной эксплуатации человека человеком — замена частной собственности на средства производства социалистической собственностью народа. Таким образом, в большой части нашей Земли человек был освобожден от гнетущего ужаса безработицы и эксплуатации, и ему было гарантировано право на труд, на законный кусок хлеба. Полностью понять смысл этого счастья трудно тому, кто им владеет, кто не испытывал ужасного чувства человека, который приходит домой после целого дня бесплодных поисков работы и укладывает детей спать голодными. Тот, кто принимает гарантированное право на труд как должное, не может полностью оценить это колоссальное благо. Так и человеку, постоянно согреваемому лучами солнца, тепло, хорошо, и он забывает, какое это несчастье — жить в темноте, холоде и жаждать солнечного тепла и света.

Величайшая заслуга Октябрьской революции перед человечеством — развернутая ею борьба за мир. Октябрь был рожден под лозунгом мира — в связи с этим и Ленин, и его соратники подвергались клевете и злословию. За границей старались заглушить их голоса. Но постоянно и непоколебимо они выступали за мир во всем мире, за разоружение, за мирное сосуществование. Почему? Это очевидно: советский человек не рассматривает войну как источник доходов от продажи военного снаряжения; вся энергия советского народа направлена на улучшение жизни для всех. Мирное наступление, начатое Октябрьской революцией, предвещает конец тем, кто наживается на гонке вооружений. Мир на Земле было бы гораздо труднее обеспечить без его стойкого оплота — родины Октябрьской революции.

Я помню, как тяжело мы, американцы, и люди во всем мире переживали известия о первых военных успехах фашистской Германии. Помню чувство надвигающейся всеобщей гибели, когда гитлеровская армия подошла к воротам Москвы, Сталинграда. Одна за другой страны Европы были покорены Гитлером. Но в конце концов на советской земле он был остановлен и повернут вспять Красной Армией, рожденной революцией, армией, воспитанной в духе антифашизма, полной решимости победить. Мир вздохнул с облегчением. Вдохновленные победами Красной Армии, народы европейских стран усилили сопротивление оккупантам, окрепло и активизировалось подпольное движение, которого так боялись нацисты. И наконец объединенными усилиями союзников иго фашизма было сброшено.

После второй мировой войны в семью социализма вошли новые государства. Национально-освободительное движение избавило миллионы людей от империалистического гнета; причем некоторые страны, вдохновленные примером Октября, выбрали социалистический путь развития, как наиболее верно отвечающий их представлениям о лучшем будущем.

Еще сразу после первой мировой войны в отдельных частях Германии и Венгрии возникли советские республики. Реакционные силы подавили их, но факт остается фактом: существование Советского государства укрепляло в народах волю продолжать борьбу, подниматься после временных поражений. Само существование Советского Союза всегда было вызовом капитализму и системе эксплуатации, вдохновляющим примером для народов в решении их собственных проблем, в выборе собственного пути к социализму.

Зерна великой новой культуры дали всходы на всей территории Советского Союза, ее корни — в судьбах людей. Эту культуру пестует и растит весь народ. Основа ее — гуманизм, качество, порождавшее самые великие творения искусства. Воображение пасует, когда пытаешься представить будущее творческой жизни при коммунизме: возможности настолько огромны, что их трудно охватить умом, их скорее только чувствуешь, как чувствуешь приближение какого-то великого события, свидания с красотой и совершенством.

В истории человечества нигде до Советского государства не было такого тщательного планирования хозяйства, такой заботы о культурных потребностях человека, такой жажды творческой жизни; благодаря культуре, благодаря гуманизму сформировался новый тип человека — человека высоких нравственных понятий. Во время многочисленных поездок в Советский Союз за последние двадцать пять лет я видел как постоянный качественный рост художников, так и количественный рост тех, кто может достойно оценивать их работы и сам прямо участвовать в творчестве.

К счастью, я имею возможность следить за событиями в культурной и общественной жизни в Советском Союзе. Почта приносит мне «Литературную газету», «Советскую культуру», журнал Советского комитета защиты мира. С нетерпением жду я каждый свежий номер журнала для художников «Творчество». Он постоянно подчеркивает, что гуманизм, забота о человеке — первостепенный творческий импульс для советских художников. Это ценное напоминание для меня, художника, приверженного тем же принципам, но живущего в той части мира, где они почти забыты, где на них смотрят свысока и подменяют нигилизмом и субъективизмом. Страницы советской прессы доносят до меня ту атмосферу, которую я ощущаю во время поездок в Советский Союз, — сопричастности, общности художников со всем народом. Только в такой атмосфере возможен постоянный рост творческого уровня.

В Советском Союзе национальным меньшинствам нет необходимости бороться за свободу самовыражения, напротив — каждая республика вносит свой богатый вклад в культуру всей страны. Все это у вас стало нормой, обыденным, и потому я не раз задавал себе вопрос: а ценят ли у вас это достижение так, как ценю, к примеру, я сам, полностью ли сознают все ваши художники благо работать в обстановке, свободной от всего того, что унижает человека искусства в странах, где царствует культ барыша?..

Я прочел проект новой Конституции СССР — документ великих человеческих свершений. Для меня особое значение имеет даже не тот факт, что в Конституции говорится о культуре — а это уже само по себе разительно отличает ее от обычных государственных документов западного мира, — а те содержащиеся в ней гарантии, что обеспечивают дальнейшее культурное и социальное развитие советских граждан.

Никогда до сих пор человечество не располагало столь вдохновляющим документом величайшей моральной и этической ценности. Этот документ демонстрирует мне чрезвычайно высокие качества советского руководства и его незыблемую веру в творческие способности народа. Я вижу в новой Конституции СССР подтверждение того, что человечество продвинулось еще дальше по пути к целям коммунистического общества.

Мне обидно видеть, как народ моей страны бомбардируют злобной антисоветской пропагандой и ложью, как его пытаются обмануть и сбить с толку те немногие оппортунисты-диссиденты, что прибиваются к нашим берегам. И их есть вина в том, что многие из моих соотечественников еще не могут понять достижения СССР, его будущее.

Моя собственная жизнь была сформирована Октябрем. Революция дала мне как художнику точку зрения, чувство сопричастности с историей человеческой борьбы, более глубокое понимание творчества тех художников, которые либо интуитивно, либо сознательно были на стороне народа. Революция дала мне тему. Она пробудила во мне желание посвятить свое творчество народу и отвергнуть соблазнительные салоны буржуазной культуры. Она вовлекла меня в важные события моего времени, в классовую борьбу в Америке — Том Муни[1], Скоттсборо[2], Анджела Дэвис; в международные события — гражданская война в Испании, Вьетнам. Некоторые из этих событий отображены в моих памфлетах, другие — в рисунках и картинах. Благодаря Октябрьской революции я стал духовно богаче и сильнее, и я счастлив, что могу отпраздновать ее шестидесятую годовщину.

Перевела с английского Н. ХРОПОВА

[1] *Участник рабочего движения в США. По ложному обвинению в организации взрыва бомбы во время милитаристской демонстрации в Сан-Франциско (1916 г.) был приговорен к пожизненному заключению. В 1939 году был освобожден под давлением общественности. — Прим. ред.*

[2] *В марте 1931 года в городе Скоттсборо (штат Алабама) состоялся суд над девятью безработными юношами-неграми. Их обвиняли в изнасиловании двух белых девушек. Суд приговорил восьмерых к смертной казни, а младшего, 14-летнего, к пожизненному заключению. Впоследствии одна из свидетельниц отказалась от своих показаний, и дело было пересмотрено. Развернув широкую кампанию, демократические организации добились в 1935 году отмены смертного приговора — четверо были отпущены на свободу, остальные все же осуждены на длительные сроки. Последний узник Скоттсборо вышел на свободу лишь в 1950 году. — Прим. ред.*

...ЕСТЬ КРАСНЫЕ ФЛАГИ!

Энцо РАВА,
итальянский публицист

Ереван, теплый вечер середины апреля. Я открыл окно номера в гостинице «Армения» («Здесь и Сароян жил», — сказали мне, и я почувствовал себя польщенным) и смотрю на площадь Ленина: огромное, полыхающее под лучами прожектора красное знамя медленно плывет на волнах свежего ветерка. По всей планете, думаю я, развеваются сейчас красные флаги: над резиденциями пра-

---

Энцо РАВА известен как талантливый публицист не только на своей родине, в Италии, где он ведет колонку в популярнейшей газете «Паэзе сера», но и у нас в стране. Его острые, мастерски написанные статьи появлялись во многих советских изданиях, в том числе — и многократно — на страницах «Ровесника».

вительств, над рядами народных демонстраций на всех пяти континентах — знамена социализма, борьбы и надежды. Но этот флаг в Ереване неожиданно для меня самого рождает такие вот мысли: «А не будь его здесь, над этим зданием... — начинаю я заведомо нелепую сказку (все, наверное, по вине Сарояна; еще в детстве я начитался его рассказов о маленьких армянах в Америке, и все они были как забавные и нелепые сказки). — А не будь Советского Союза...»

Нет, нет, я знаю, что в эту самую минуту сама философия, реалистическая и строгая, грозит мне сурово пальцем; историю, говорит она мне, не понять и не выстроить заново, нагромождая эти самые «что, если б». Я до сих пор помню грозный сарказм профессора философии, разившего наши прекраснодушные юношеские разглагольствования на тему «если бы да кабы» категорическими сентенциями Гегеля — возможно лишь то, что было.

Но в тот раз, в Ереване, я сознательно дал волю фантазии: абсурдность «а не будь... а если бы...» придавала особую остроту восприятию того, что есть и чего не могло не быть. Мы ездили на машине в Гарни по дороге, бежавшей среди цветущих яблоневых садов; по тем самым местам, где всего несколько лет назад была пустыня из лавы. В земле, сухой от рождения мира, машины вырыли ямы, совхозники ссыпали в них черную почву, привезенную с Украины, и посадили тонкие деревца: яблони, груши, абрикосы. «Вот вам ласкающий взор образ Советской власти», — сказал мне мой молодой попутчик, показывая рукой на цветущие сады. Он рассказал нам и о том, чем была Армения до Советской власти: колоссальное кладбище с разбросанными тут и там, обжигаемыми солнцем человеческими костями, развалинами церквей, обратившихся в груду камней и бесформенных глыб. Чем была Армения? Народом, вырезанным и униженным до последнего и единственного ностальгического вздоха: «Ах, Арарат!» — слышимого из самых разных точек мира, где только билось сердце одной из крошечных Армений; в том числе из Армении американской, сарояновской.

И вдруг в Гарни, на крутой скале, высящейся над шумящим потоком, перед цепью гор, освещаемых солнцем, я увидел языческий храм: «Римляне возвели его в честь бога Солнца Гелиоса или Митры, бога дневного солнца и подателя жизни, и лучи светила, когда оно было в зените, прорывались на короткое время в пропасть ритуальных жертвоприношений... Но пришли варвары и разрушили храм, скатив его камни в глубокую пропасть... Мы собрали их все, и все, один за другим, подняли наверх, и вновь сложили их в храм. И вот он, этот римский храм, перед вами...»

У меня странные ощущения: ведь этот храм — кусочек истории моей страны, часть моей собственной культуры, нечто такое, что, пройдя тысячелетия, дошло и до меня, участвовало в том, чтоб из меня сделать меня; и вот я встречаю это «нечто» здесь, среди незнакомого и неожиданного для меня пейзажа. «Советская власть заботится об охране духовных ценностей, какой бы культуре они ни принадлежали», — продолжает мой молодой гид; я же никак не могу найти слова, чтобы высказать, что у меня на душе — мои смутные мысли и чувства. Мой профессор-гегельянец нашел бы их, верно, вздорными, но я ведь действительно столкнулся здесь, на этом месте, с частью моей культуры, частью себя самого; а эта культура восстановлена из небытия и возвращена солнцу и истории. Потому-то я и волнуюсь: а если б безвестные мне армянские руки не обременили себя такой огромной работой, если б не перетащили они по камню весь храм из ущелья на скалу, если б не сложили их в гармонию, здесь только и были бы, что потрескавшиеся камни; не было б даже воспоминания...

«История не делается по принципу «если бы»... Согласен, профессор, но все же, несмотря на это: если бы... «История — это необходимость; что есть, то есть...» Но все же, если б, однако... «То, что действительно, то и разумно; иначе говоря — этого не могло не быть...» — слышу я. И все же! В конце концов, бесплодные допущения подобного рода среди тоскующих по старым временам настолько популярны, что отчего ж и мне не прикинуть, во имя чего они делаются и как бы пошло развитие мира, «если бы»...

«Допустим, закрыв глаза на факты, что верховный совет Антанты утвердил в марте решение о «массированном и решительном» вторжении войск через порты Черного моря, Тихого океана и Балтики с одновременной поставкой крупных партий танков, пушек и самолетов для нужд белых армий, за спинами которых, предвкушая скорые «великие большевистские погромы», теснились иностранные интервенты; допустим невозможное: Юденич занял Петроград и устремился на север России; Деникин же взял приступом Москву, а затем, перевалив Урал, вступил в Сибирь; Колчак сломил всякое сопротивление на Волге, а в Кремле встретились наконец представители победителей для «восстановления свобод» и образования тучи буржуазно-демократических компактных правительств, возглавивших целый улей комнатных государств на месте, где больше никогда не быть Советскому Союзу». Такую примерно картину лелеют в своем воображении те, кто до сих пор не может примириться с Октябрем. Но что бы это значило для других народов, превратись воображаемое в историческую реальность?

В Италии, например, как известно, как раз в это время премьер-министр Нитти[1] назначил первые всеобщие выборы, основанные на принципе пропорционального представительства и равноправия (по крайней мере, формального) голосов; выборы, с одной стороны, завоеванные десятилетиями упорной борьбы трудящихся, а с другой — как бы «подаренные» правящим классом как отступное. «Мы же не хотим, чтоб они устроили здесь Россию», — терпеливо объясняли тонкие политики грубоватым генералам, уже хватавшимся за эфесы сабель. «Они и так уже стали захватывать пустующие земли, со дня на день наступит очередь заводов... Зато теперь их заводилы все будут у нас на виду. В парламенте...»

Институты демографии предсказывали тогда, что социалисты и другие народные кандидаты получат на этих выборах по меньшей мере 256 мест из 508, другими словами, они будут располагать большинством голосов в парламенте; предсказывалось также, что кандидаты от новой фашистской партии потерпят сокрушительное поражение. («Вот вам и последствия большевистско-демократической чумы», — комментировали прогноз побледневшие лицом журналисты, в панике путая идеологические ярлыки.) Так оно все и произошло в настоящей истории, но я-то ведь решил добровольно свернуть с ее пути на тропу под названием «если бы...». Так вот, если бы замысел Антанты осуществился и из Москвы, Петрограда, Сибири и Кавказа пришли бы «бодрые» известия о ее победах, это, несомненно, добавило бы порцию оптимизма и решимости в сердца генералов и землевладельцев, акционеров и промышленников: «отборные» подразделения армии «взяли бы под свой контроль» профсоюзные центры, правительственные учреждения, кооперативы, избирательные участки, и еще не истекло бы время голосования, как все урны были бы опечатаны. А через неделю, когда народные и демократические партии были бы уже благополучно запрещены, министр внутренних дел объявил, что абсолютное большинство населения проголосовало за фашистскую партию и что Бенито Муссолини триумфально вступил в Рим[2]. Не без удовлетворения комментировали бы этот факт в Конфедерации промышленников: «По нашим подсчетам, все это должно было произойти не раньше чем через пару лет; согласитесь, мы неплохо сэкономили на этом деле...»

Теперь посмотрим, что произошло бы в Германии. Здесь удавшийся с первой же попытки капповский путч[3] («Собственно, почему мы должны терпеть красных у себя дома, когда мы разделались с ними в России!» — удачно аргументировали свой союз с юнкерами и генералами ранее колебавшиеся центристы) позволил бы и местным господам промышленникам сэкономить кругленькую сумму. Гитлер подмял бы под себя рейхстаг, опередив время на двенадцать-тринадцать лет, что само по себе дало бы ему возможность, пойди история по вымышленному пути, принести миру горя не то что в двойном, а в четверном размере по сравнению с тем, что произошло в действительности. «Наша военная промышленность, — похвалялся Гитлер, имея при этом в виду и сеть лагерей, — поистине показательна».

---

[1] *Ф. Нитти — либеральный политический деятель. Возглавил правительство в июне 1919 года. — Прим. пер.*

[2] *В реальной истории поход фашистов на Рим, как и назначение Муссолини премьер-министром, состоялся в октябре 1922 года. — Прим. пер.*

[3] *На самом деле капповский путч, организованный монархистами, юнкерами и другими реакционными силами во главе с крупным помещиком В. Каппом, был в течение 5 дней ликвидирован благодаря выступлению рабочего класса, а также республикански настроенных других слоев населения. Активное участие в борьбе с путчистами приняли коммунисты. — Прим. пер.*

Экономический кризис 1929 года оказался, однако, на редкость пунктуальным. Его не смутили ни новый вариант хода истории, ни «официальная отмена» марксистских законов развития капиталистического общества, о которой заблаговременно оповестили фашистские режимы Европы. Капиталистический рынок функционировал бы так, как он и на самом деле функционировал, — тут уж никакие «если бы...» не помогут, тем более тут бессилен разрекламированный как панацея социальной справедливости корпоративизм. Собственно, справедливость эту обещали лишь избранным народам, для остальных был зарезервирован рабский труд. Границы, где обитали бы избранные народы, чудесным образом совпали с границами Германии, более или менее мирно обнявшими всю территорию, где когда-то, по новейшим теориям, жили арии, то есть от Индии до Англии. Пограничным же государствам, где командовали квислинговские режимы, разрешалось бы считать себя если и не избранным народом, то уж по крайней мере сильно возвышающимся над народами-рабами, населяющими другие континенты. В Америке, парализованной экономическим кризисом, Синклеру Льюису не было бы уже нужды писать: «Здесь это невозможно»; фашизм оказался не только возможным, он утвердился в Белом доме; что же до Юга страны, то там он просто-напросто подхватил то, что задолго до него выпестовал европейский колониализм: индейцы и негры автоматически были объявлены не только рабами, но и существами, лишенными души.

Когда же в 1939 или еще каком году разразилась бы, положим, вторая мировая война, отставной американский президент и отставной английский премьер имели бы прелюбопытнейшую беседу об исторических курьезах. Разговор кружился бы вокруг нашумевшего в те дни научно-фантастического романа, в основе которого лежало в общем-то исторически вздорное предположение: «А что, если б Советский Союз в свое время устоял, что, если б у Гитлера не было бы сейчас такого тыла, как закабаленные «славянские и азиатские пограничные области», а в Китае не заправляли бы японские генералы...» Но, увы, «история не делается по принципу «если бы»», — с горечью констатировали собеседники, а потому и вторая мировая война закончилась бы уничтожением половины рода человеческого и реставрацией системы рабства, идеально подходившей к элитарной и корпоративистской идеологии национал-социализма. И уж совсем немного времени прошло, когда появилась бы атомная бомба, что, разумеется, облегчило (наряду с резким сокращением «избыточного населения») установление системы «примитивной орды»: господа арийцы на белом коне, все остальные виды согбенны на полях...

Впрочем, нет никакой нужды перебирать различные фантастические варианты столь отдаленной истории. Сверни она со своего пути и в более близкое к нам время, какие разительные перемены произошли бы в мире!

В самый канун рождества 1942 года мой дед неожиданно натянул поводья и остановил двуколку. Повернувшись ко мне, он сказал: «Подумай только, если бы...» Мой дед был человеком с фантазией; такие люди, впрочем, часто встречаются среди крестьян. Вернувшись с охоты, он подолгу рассказывал нам, каких чудесных кроликов он поймал бы в ловушку, не поверни эти разбойники на «неверную тропинку», то есть не на ту, где он их ждал. Он в подробностях описывал их количество и вес каждого несостоявшегося трофея, говорил, кому и какого кролика он подарил бы и какой бы пир закатил дома. «Подумать только, — сказал он мне тогда, — что случилось бы, выиграй Гитлер сражение под Сталинградом»; он даже пошевелил плечами, будто его знобило, хотя в то рождество погода стояла теплая.

«Но ведь он уже выиграл эту битву», — ответил я ему; тогда я еще был мал. На это дед возразил, что я, дескать, «слишком много читаю», а читать в то время можно было только фашистские газеты и всякие брошюры о полном триумфе фашизма. Дед вышел из коляски и — как сейчас помню — провел на снегу кнутовищем линию. «Вот это Волга, — объяснил он мне, — самая большая река в мире. (Тогда я воздержался от замечания — я ведь ходил в школу и знал, что Амазонка еще больше.) Вот это город; а вот тут — немцы, — сказал он и istыкал город кнутовищем. — А вот здесь — советские, — и описал огромный полукруг. — Фашисты, сам видишь, проиграли войну. Но что б случилось, если бы они ее выиграли?..» Прошли годы, прежде чем я понял, что случилось бы, если бы операции «Ночь и туман» установили «новый порядок» в Европе. Что стало бы с независимостью угнетенных стран, что произошло бы с антиколониальной борьбой...

Верно, конечно: раньше или позже, в одной точке мира или в другой революция и социализм все равно победили бы и вновь начали бы свое шествие по миру. Нет на свете такого «если бы», которое позволило бы капитализму превзойти свои собственные внутренние законы: раньше или позже, но какая-нибудь коммуна, или штурм какого-нибудь Зимнего, или демократическая революция, в своем развитии превращающаяся в революцию социалистическую, — короче, что-то да и «произошло бы», но насколько все это могло замедлиться, насколько труднее стал бы путь для каждой революции, путь, проложенный в еще монолитном окружении империализма, вооруженного самыми изощренными средствами подавления (в той мере монолитном, какой позволяют ему внутренние противоречия и соперничество).

Помню, мы были еще мальчишками, освобождение едва только произошло, и головы наши не знали покоя: «Когда мы установим социализм...» И конечно же, это был самый прекрасный социализм, можно сказать, идеальный. Но были и трезвые головы. «Вот-вот, — говорили они, — с американцами-то, которые у нас себя чувствуют как дома... С морской пехотой... С атомной бомбой-то...» Фантазии на внутренние темы валились в одну кучу с фантазиями на темы внешние: «Да какая, к черту, бомба! Да если американцы захотят бросить бомбу, то Советский Союз...»

Мы считали Советскую Россию нашим Огромным Щитом: «Ей даже нет нужды шевелиться; она есть, и это уже все решает»; другими словами, ее присутствие в мире было гарантией мира на Земле, в том числе и определенной гарантией от вмешательства американской империи даже для самых дальних уголков мира. Но не в этом одном было дело: в реальном Советском Союзе мы видели наше реальное будущее. («Значит, социализм возможен! Значит, он и в самом деле самая эффективная и самая справедливая система!..») И разве не один факт его существования сыграл такую роль в социальных победах миллионов людей — от Европы до тихоокеанских стран?! И разве его существование не помогало нам, всегда и безотказно, когда в разговоре с осторожным ли крестьянином, с нахмуренным ли и недоверчивым буржуа могли мы уверенно сказать: «А вот, например, в Советском Союзе...»?!

Впрочем, кто и когда посмел отрицать это Великое Присутствие СССР в мире; кто из нас не был готов в знак признательности поставить рядом с его моральной помощью наше стремление еще лучше знать его, нашу готовность стать на его защиту! Нам в лицо известен антисоветизм, да мы и всегда его знали — именно в этом седле скачут наши враги, враги рабочего класса, всех трудящихся. Те самые люди, что в жестокие годы «холодной войны» кричали о «необходимости сдерживания» Советского Союза, на своей родине стреляли в упор в рабочих и крестьян!

Шло время, и росло наше общее движение, как рос в части мира социализм — поначалу под сенью ветвей могучего дуба, а потом и вдали от него: менялось равновесие в мире, образовывались новые условия, открывались дотоле неведомые возможности и новые пути. «История, — говаривал когда-то мудрый профессор, — никогда не повторяется», и все, что происходит, — это постоянное созидание, покоящееся на фундаменте уже совершенного... Но и это новое и никогда небывалое возможно лишь благодаря тому не сдвигаемому из истории Великому Присутствию, которое за шестьдесят лет революции и труда изменило весь мир.

...Так вот, в Ереване стоял вечер. И красный флаг колыхался в темнеющем воздухе. И он для меня был тоже «гарантией» — нет, не для меня; для тех красных флагов, что развеваются над многими муниципалитетами и коммунами моей страны; как и те флаги — для этого.

А в общем-то, к чему все эти бесконечные «если»? «Если б не было тех цветущих садов, то в бедь, верно, и не было бы древнего храма Солнцу...»? Не так ли, профессор, такой подход к истории прискорбен? Нам лучше держаться железных фактов истории: есть храм, есть яблони в цвету, есть социализм на огромной земной территории, есть красные флаги, развевающиеся под всеми ветрами Земли.

Перевел с итальянского И. ГОРЕЛОВ

▼ со стр. 5

против белых армий. Стоит ли говорить, что Вашингтон немедленно задушил эту инициативу? Власти уже готовили кампанию террора, подавления просоветских и антиимпериалистических настроений. Надвигалось время массовых арестов.

Среди тысяч людей, брошенных вскоре за решетку, был и Юджин Дебс. Но тогда, 7 ноября 1918 года, Дебс опубликовал взволнованный памфлет «Один год революции». Там были такие слова: «Товарищи из Российской Советской Республики большевиков! Мы приветствуем и поздравляем вас с первой годовщиной вашего великого революционного триумфа, самого важного и далеко идущего события в истории человечества. Вы зажгли в небе востока звезду надежды для всего мира».

И эта звезда ярко сверкала даже в Америке в ту первую годовщину Октября. Помню, как меня, 12-летнего мальчика, и моих друзей удивили слова Дебса, так непохожие на все, что мы читали об Октябрьской революции в газетах.

Пятнадцатая годовщина

Когда в 1932 году советский народ отмечал пятнадцатую годовщину Октябрьской революции, Соединенные Штаты бились в тисках самого катастрофического за свою историю кризиса. Одни заводы и шахты закрывались совсем, другие работали нерегулярно. Потеряло работу 15 миллионов человек. Сотни тысяч бездомных питались объедками, выброшенными их более удачливыми соседями. А в это время фермеры выливали в реки молоко и закапывали заколотых свиней, будучи не в состоянии продать свои продукты.

В этих условиях не только рабочие и интеллигенция, но и бизнесмены, боявшиеся банкротства, стали с надеждой смотреть на Советский Союз, который, опираясь на социалистическое планирование, быстро продвигался по пути экономического строительства, создавал базу тяжелой индустрии. Хотя производство стали в СССР было еще сравнительно невелико, оно уже превзошло объем продукции сталелитейной промышленности Соединенных Штатов, переживавшей депрессию. Такие крупные корпорации, как «Дженерал электрик» и «Форд компани», видели в СССР потенциального покупателя продукции их работавших с перебоями заводов.

Американских безработных поражало, что в СССР нет безработицы. Американские ученые сравнивали жизненные цели и систему планирования в советском обществе с анархией капиталистического строя, обрекающего миллионы на голод и нищету в то время, как хлеб сознательно оставляется гнить на полях.

Тогда мне как корреспонденту ТАСС представилась возможность взять интервью у старого Генри Форда на территории его громадного завода в Дирборне, в штате Мичиган. На заводе было пустынно, как на кладбище. Работа практически остановилась. Человек глубоко консервативный и, уж конечно, никакой не друг социализма, Форд тем не менее с энтузиазмом заговорил о возможностях торговли с Советским Союзом. К тому времени он уже заключил несколько контрактов с советскими автомобилестроителями и с надеждой ожидал новых. В конце концов, бизнес есть бизнес. Так же рассуждали представители других крупных фирм, у которых я брал тогда интервью.

Но, конечно, еще больше возможностей у меня было изучать настроения простых американцев. Я простаивал вместе с безработными в очередях за хлебом в Нью-Йорке, ездил в отдаленные шахтерские городки в Пенсильвании и Западной Виргинии, беседовал с металлургами в Питтсбурге и других индустриальных городах. В Айове я видел фермеров, которым грозило выселение с их ферм. Они возмущенно скандировали: «Права человека выше прав собственности!»

Голодным, отчаявшимся рабочим и фермерам, видевшим, как разваливается американская экономика, сообщения о быстром росте промышленности в Советском Союзе казались вестями из другого мира; впрочем, так оно и было. Очень часто люди, узнав, что я корреспондент советской прессы, спрашивали: «Неужели правда, что в Советской России нет безработицы? Неужели там нет экономической депрессии?» И когда я отвечал, что это действительно так, удивлялись: «Какая счастливая страна!»

Многие представители американской интеллигенции видели в Советском Союзе пример для всего человечества и в особенности для своей неблагополучной страны. Среди них были такие выдающиеся писатели, как Теодор Драйзер, Шервуд Андерсон, Уолдо Фрэнк, публицист Линкольн Стеффенс. Восторженно отзывались о советском планировании видные экономисты Стюарт Чейз, Скотт Ниринг, профессор Рексфорд Тагвелл, ставший впоследствии одним из ближайших советников президента Рузвельта. Американцы, побывавшие в Советском Союзе, с восхищением рассказывали о советском народе. Брюс Бливен, редактор либерального еженедельника «Нью рипаблик», сравнивая энергию и энтузиазм советской молодежи с чувством безнадежной обреченности, преобладавшей среди молодых американцев, писал в 1931 году, что ему захотелось «плакать по своим соотечественникам».

Я испытал такое же чувство, впервые посетив Советский Союз в следующем году и побывав на праздновании пятнадцатой годовщины Октября на Красной площади. За два месяца пребывания в Советском Союзе я посетил несколько индустриальных центров, в жестокие декабрьские холода видел строительство гигантской плотины на Днепре. Конечно, были трудности, но советские рабочие, инженеры, журналисты, все, с кем мне довелось встречаться, понимали их причины и готовы были потерпеть. Они знали, что строят новое общество перед лицом враждебного капиталистического мира и что их жертвы обеспечат материальное и духовное благополучие будущих поколений. В них жила уверенность в будущем, ленинское понимание цели. Как все это отличалось от настроений американцев! Рабочие моей страны приносили огромные и горькие жертвы, но ради чего, ради кого? На трудности и лишения их обрекла монополистическая олигархия, пытавшаяся за их счет выпутаться из глубочайшего капиталистического кризиса.

В том же ноябре, когда Советский Союз праздновал пятнадцатую годовщину революции, американские избиратели выдворили президента Гувера из Белого дома и избрали на его место Франклина Рузвельта. Назрела пора перемен. Гувер не только проводил реакционную внутреннюю политику, но и упрямо, подобно страусу, прячущему голову в песок, отказывался «признать» существование Советского Союза. Американское общественное мнение было уже не в силах выносить этот идиотизм. В ноябре 1933 года правительство Рузвельта наконец установило дипломатические отношения с Советским Союзом. Было положено начало новому этапу в советско-американских отношениях.

Двадцать пятая годовщина

Девять лет спустя, когда Советский Союз отмечал двадцать пятую годовщину Октябрьской революции, нашим странам суждено было стать союзниками в титанической борьбе против фашистского варварства. Взоры американцев были прикованы к героическим советским войскам, принявшим на себя основной удар нацизма. Американцы считали залитые кровью поля сражений России «первой линией американской обороны». Они понимали, что их судьба и судьбы всего мира зависят от того, сумеют ли Красная Армия и советский народ отразить вероломное нападение фашистских орд. В феврале 1942 года командующий американскими вооруженными силами на Тихом океане генерал Дуглас Макартур, осажденный японскими войсками на Филиппинах, послал в Москву приветствие по случаю 24-й годовщины Красной Армии. В нем говорилось, что «надежды цивилизации устремлены к славным знаменам Красной Армии». Заявление Макартура отражало настроение всей американской нации. Каждый успех советского народа на поле битвы встречался в США с восторгом.

Не было, пожалуй, ни одного крупного ученого, писателя, художника, музыканта, профсоюзного деятеля или негритянского лидера, который бы не призывал оказывать максимальную поддержку Советскому Союзу, а на более поздних этапах войны не требовал бы открыть второй фронт в Западной Европе.

Тогда казалось, что советско-американская дружба, скрепленная кровью и закаленная в огне, сохранится после победы над врагом и станет краеугольным камнем прочного мира во всем мире. Задолго до того, как смолкли пушки, президент Рузвельт сказал: «Мир еще не видел большей преданности, твердости и самоотверженности, чем те, что проявляют русский народ и его армия. Нашей стране и в будущем следует быть хорошим соседом и верным другом нации, которая, спасая себя, спасает и весь мир от нацистской угрозы».

В 1944 году министр внутренних дел Гарольд Икес, человек дальновидный, произнес похожие слова: «Мне представляется чрезвычайно важным поддерживать самое тесное взаимопонимание между США и СССР в послевоенном мире. Совершенно очевидно, что, если эти два гиганта вместе со своими союзниками будут относиться друг к другу в духе справедливости и доброй воли, они всегда будут вместе и, таким образом, обеспечат несокрушимый мир».

Так подсказывал здравый смысл, так думало подавляющее большинство американского народа. Увы, случилось иначе. В США существовало небольшое, но влиятельное меньшинство духовных наследников Гувера и ему подобных, объятых страхом и ненавистью к коммунизму. Даже когда еще пылал огонь

войны, фанатики-антикоммунисты старались подорвать советско-американский союз. Они хотели увеличить страдания советского народа, чтобы Советское государство было как можно больше ослаблено войной.

После смерти Рузвельта и прихода к власти Трумэна это меньшинство стало определять американскую внешнюю политику и столкнуло Соединенные Штаты и весь мир в кошмар «холодной войны». Духовным наставником американских политиков стал Уинстон Черчилль, призывавший еще в 1917 году задушить Советскую власть «в колыбели».

«Холодная война» длилась почти четверть века и дорого стоила всем народам мира, а в особенности народу Соединенных Штатов. Сторонники «холодной войны», ведомые крестоносцами антикоммунизма Трумэном и государственными секретарями Джоном Фостером Даллесом и Дином Ачесоном, старательно опустошали запас дружбы и товарищества, накопленный союзниками за годы войны. Их пропаганда рисовала Советский Союз — союзника США в войне — врагом, а недавних врагов — реваншистов и неофашистов Германии — друзьями.

Сороковая годовщина

Злобной антисоветской кампанией дело не ограничилось. Власти прибегли к драконовским мерам против организаций и отдельных людей, выступавших против «холодной войны», за дружбу с Советским Союзом. В результате судебных фарсов, сопровождавшихся истерией, достойной судов Линча, были брошены в тюрьмы руководители Коммунистической партии США, Национального совета американо-советской дружбы и других прогрессивных организаций, прогрессивные писатели и режиссеры из Голливуда, активные профсоюзные деятели. Тысячи других, в их числе Поль Робсон, всемирно известный ученый Лайнус Полинг, престарелый негритянский ученый и лидер негритянского освободительного движения Уильям Дюбуа, драматург Лилиан Хеллман, предстали перед инквизиторскими комитетами конгресса, где их грубо допрашивали и угрожали тюрьмой. ФБР и ЦРУ подслушивали телефонные разговоры, обыскивали квартиры, перехватывали письма, в особенности адресованные в СССР и присланные оттуда. Преподаватели школ и университетов, «синие воротнички» и «белые воротнички» [1] изгонялись с работы, если на них падало подозрение в симпатиях к Советскому Союзу. Все это делалось во имя «демократии» и «охраны прав человека». Как уже было однажды, сразу после Октябрьской революции, в США воцарились реакция и фанатизм.

Я тоже попал в поле зрения хранителей «свободы». От одного почтового служащего я узнал, что моя почта систематически проверяется. Не сомневаюсь, хотя доказательств у меня нет, что и мои телефонные разговоры прослушивались. В 1953 году дюжина агентов ФБР более недели рылась в наших бумагах в бюро ТАСС. У моей матери, когда она прочла в газетах про эти обыски, случился сердечный приступ, от которого она и умерла. В 1956 году я и несколько других американцев, работавших в отделениях ТАСС в Нью-Йорке и Вашингтоне, были вызваны на допрос в пресловутую сенатскую комиссию Маккарти. Нас подробно расспрашивали о политических симпатиях, взглядах, личных связях.

Но «железный занавес», сотворенный деятелями «холодной войны», не мог совсем скрыть правду о Советском Союзе. Группы промышленников, ученых, инженеров, учителей и другие посещали Советский Союз и возвращались с рассказами о его успехах, полностью противоречившими вымыслам официальных и неофициальных пропагандистов о советском застое и отсталости.

И вот 4 октября 1957 года, за месяц до празднования сороковой годовщины Октябрьской революции, Советский Союз запускает в космос первый искусственный спутник Земли. А еще через месяц второй спутник выносит на орбиту первого земного пассажира — собаку Лайку... Эти события потрясли Соединенные Штаты, как и весь мир. Антисоветские мифы, годами распространявшиеся клеветниками, рассыпались в прах.

Теперь американцы заговорили не о советской «отсталости», а спрашивали, почему Советский Союз, а не Соединенные Штаты первым вышел в космос. Внимание сфокусировалось на недостатках в самих США, особенно в системе образования. В учебные планы стали спешно вноситься изменения, акцент смещался на математику и физику.

Один из деятелей системы образования США, Лоуренс Дертик, так суммировал мнение американской делегации, посетившей Советский Союз: «Нас особенно поразило одно обстоятельство: мы просто не представляли, насколько большое внимание Советское государство уделяет образованию как средству национального прогресса. Мы поражены — и я не случайно выбрал это слово, — поражены тем, что достигнуто в СССР».

Упрямые факты советских достижений, плодов Октября, нельзя было больше игнорировать. Комиссия демократической партии по выработке политики признала: «Русские не стоят на месте. Они догоняют нас, а планируют и перегнать. Эти планы всем следует принимать всерьез».

Пятидесятая годовщина

К 1967 году — году пятидесятилетия Октября — всем в Америке, кроме безнадежно твердолобых, стало ясно, что «холодная война» не смогла помешать росту СССР; напротив, советская экономика продолжала быстро развиваться. Мировой баланс сил неуклонно смещался в сторону социалистического содружества. Освободительное движение в колониях разрушало империалистический миропорядок. У самого порога Америки появилось новое социалистическое государство — Куба.

Пересмотр американской политики стал требованием дня. Дальновидные критики вашингтонской политики, такие, как сенатор Уильям Фулбрайт (в то время председатель комиссии сената по иностранным делам), подчеркивали, что самонадеянная политика США основана на преувеличенной оценке собственного могущества и что Соединенным Штатам не стоит надеяться навязать свой диктат Советскому Союзу и социалистическому миру.

Помимо провалов внешнеполитического курса «холодной войны», самоуверенность властителей страны расшатывали серьезные внутренние кризисы. Поднималась волна народного протеста против агрессии США в Юго-Восточной Азии. Одновременно по всей стране ширилось движение негритянского населения, дело дошло до кровопролитных восстаний в гетто.

Под давлением всех этих событий американские политики стали, хотя и осторожно, медленно и неровно, подвигаться к более реалистической политике мирного сосуществования с Советским Союзом. Президенты Эйзенхауэр, Кеннеди и Джонсон начали переговоры непосредственно с советскими руководителями. Две великие державы сделали первые совместные шаги к ограничению гонки вооружений.

Шестидесятая годовщина

Конечно, и сейчас, накануне шестидесятой годовщины Октября, нельзя сказать, что американская сторона скрупулезно соблюдает дух и букву советско-американских соглашений, достигнутых на высшем уровне, и что советско-американские отношения наконец полностью нормализовались.

США добиваются для себя односторонних преимуществ на переговорах об ограничении стратегических вооружений, несмотря на формальные заявления о равенстве и паритете двух сторон. До сих пор в США действуют дискриминационные тарифы в торговле с СССР и социалистическими странами. Эфир засоряется антисоветской клеветой радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа». США раздули лживую шумиху по поводу «нарушения прав человека» в Советском Союзе, в то время как изо дня в день третируются права десятков миллионов самих американцев.

Еще не перевелись упрямые поборники «холодной войны», немногочисленные, но занимающие влиятельные позиции. Они не принимают принцип мирного сосуществования и ищут, как бы подорвать соглашения, достигнутые на высшем уровне, Заключительный акт Хельсинкского совещания и другие договоренности, призванные обеспечить мир на нашей планете.

Но история и общественное мнение Америки против них. Отношение американцев к СССР в прошлом порой резко менялось. Однако непоколебимые факты достижений советского народа за прошедшие 60 лет, очевидность мирных намерений и доброй воли Советского Союза завоевывают симпатии все большего числа американцев.

Есть основания надеяться, что эти настроения будут углубляться по мере того, как американцы будут знакомиться с успешным ... м нынешней совет... стигать зна... ганда не ... народа, ... сов, бе... сы, на... тирова... не мож... в мире ...

[1] *То есть рабочие и служащие.*

СОЧИ-77. ВЫВОД ИЗ ПЕСНИ

А. ПОЛИКОВСКИЙ
Фото А. ЛЕХМУСА

На фото (по часовой стрелке):

Аннариитта Минкинен поет на сочинском стадионе.

Последняя песня фестиваля как клятва: El pueblo unido!

«Продолжим борьбу», — пел Клотер Кимболо из Конго. Эта песня о народах Африки, борющихся за независимость. Клотер Кимболо пел на языке племени лингала — пел тонким, трогательным, совсем не боевым голосом. Он был застенчив и, кончив петь, убежал за кулисы; зал хлопал Клотеру Кимболо вслед.

Майкл Глик, веселый американец в белой пляжной кепочке, вышел на сцену и, крикнув: «Союз» — «Аполло», о'кэй?» — предложил залу петь вместе. Майкл Глик пел густым басом и постукивал по гитаре, отбивая ритм, и зал хлопал в такт и азартно подпевал.

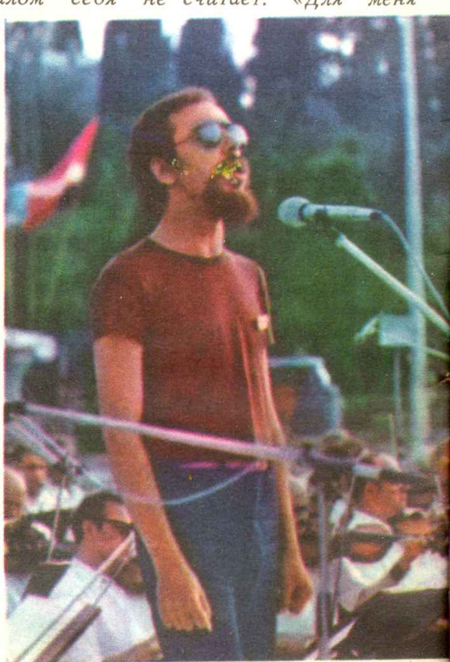
Энрике Лиоппис из Аргентины, высокий красивый юноша, играл на гитаре тягучую, грустную мелодию, напоминающую «Эль Кондор Паса», и пел чистым и напряженным от волнения голосом. Он держал гитару далеко от себя и касался струн рукой, вытянутой вперед, как у слепого. В зале было тихо. Над залом, в лучах юпитеров, плавно летали белые ночные бабочки. Кончив петь, Лиоппис, не улыбаясь, строго поклонился в зал и ушел.

Венгр Томаш Берки пел песню о Че Геваре. Он пел под гитару, без оркестра. Иногда он брал в руки погремушку и начинал постукивать ею по струнам. Гитара резонировала, и раздавался долгий, тоскливый звук. Потом Берки снова играл основную мелодию, томительную и скорбную, и пел высоким, пронзительным голосом. Он пел о человеке «высокой, — как он сам определил, — нравственной чистоты».

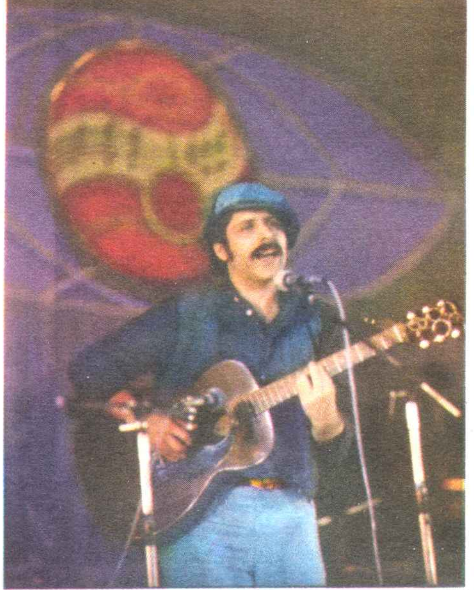
Бьярне Иос Хансе, датский радиожурналист, пел балладу о народном казахском певце Токтогуле. Бьярне Иос Хансе сам пишет музыку и стихи; он пел на музыкальных фестивалях во многих странах Европы, но профессионалом себя не считает. «Для меня

Вот я шагаю по белому бетону, раз-два, и помахиваю сумочкой с несколькими вещицами, без которых в чужом городе не обойтись, раз-два. Я слушаю гул и свист самолетов. В зеленом газоне у ВПП прячутся полосатые, как шлагбаум, будочки с аэродромным оборудованием. Несколько оштукатуренных домиков белеют на солнце. Дальше круто начинаются горы, но из-за раскаленного воздуха, который дрожит и искажает пространство, нельзя понять, далеко они или близко. Горы дымчато-серого цвета. Через несколько шагов я оборачиваюсь еще раз: горы теперь розовые, и из-за гор, резко теряя высо...

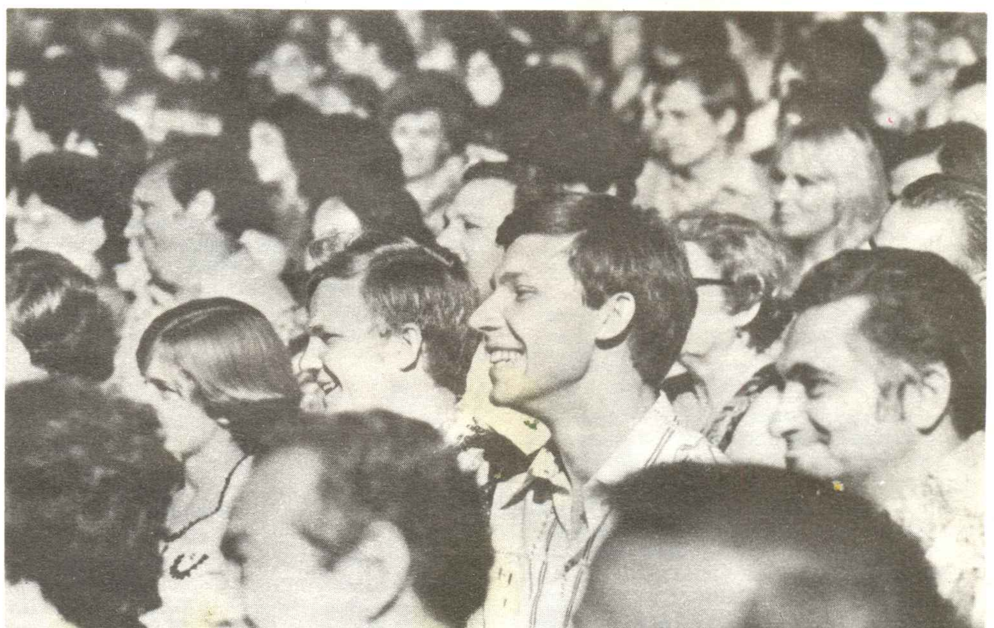

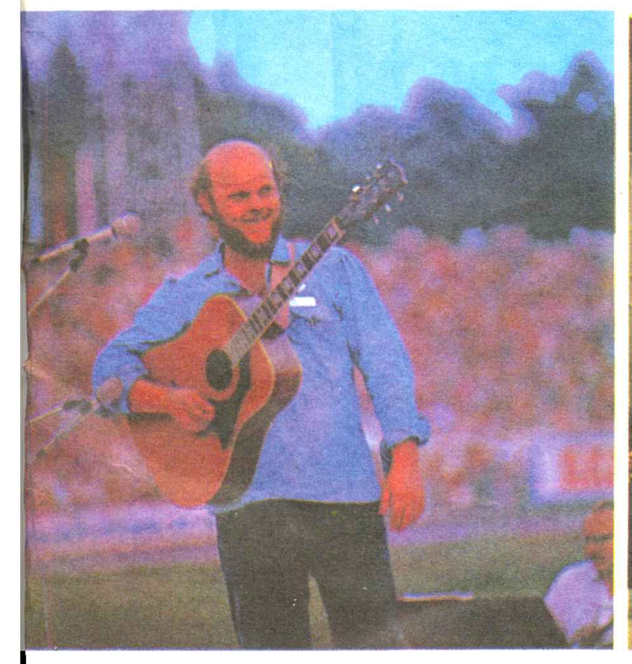

песня — средство общения, разговор, в котором участвуют на равных один певец и тысяча зрителей».

Самуэль Кедаш из Португалии пел на фестивале песню «По долинам и по взгорьям». Самуэль Кедаш — певец из рабочего предместья Лиссабона Сетубала. До революции его песни были запрещены. С апреля 1974 года он поет на рабочих митингах, перед крестьянами и солдатами.

Росица Борджиева родилась двадцать три года назад в городе Русе. Несколько лет занималась пением и училась игре на аккордеоне. Была солисткой пионерского хора «Дунайские волны». В 1972 году получила третью награду на фестивале «Фракийская лира». В 1975 году закончила эстрадный факультет Болгарской государственной консерватории. В 1976 году завоевала вторую премию на конкурсе «Золотой Орфей». В Сочи Росица Борджиева пела песню «Павшим героям» — о советских солдатах, которые погибли под Сталинградом, Будапештом, Берлином.

роде-курорте Сочи. Ближе к Сочи попадается щит:

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ
МОЛОДЕЖНОЙ ПЕСНИ
СОЧИ-77
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

В фестивале приняли участие тридцать два певца из следующих стран: СССР, Монголии, Болгарии, Финляндии, Дании, Чили, Польши, Греции, Конго, Эквадора, ЧССР, Румынии, ФРГ, Коста-Рики, ГДР, Панамы, Аргентины, Венесуэлы, Колумбии, Венгрии, Сальвадора, Португалии. В этой статье рассказывается о Вольфе Браннаски из ФРГ, который получил вторую премию фестиваля, и об Аннариитте Минкинен из Финляндии, которая получила третью премию фестиваля.

Вольф Браннаски родился в 1944 году в Мюнхене. Война шла уже в Восточной Пруссии, и союзники уже продвигались в глубь Франции. Однако

перспективные планы, составленные руководителями нацистской Германии, простирались на двадцать пять лет вперед и предусматривали:

а) выигрыш войны;

б) уничтожение неполноценных народов;

в) колонизацию освободившейся территории гражданами рейха.

Наибольшие опасения вызывал у руководителей рейха третий пункт. Весной 1944 года в Веймаре Кальтенбруннер выступил перед представителями гауляйтеров с докладом по хозяйственным вопросам. Под Веймаром находился Бухенвальд. Кальтенбруннер сказал:

«Германия должна позаботиться о том, чтобы восточные народы и большинство государств на Балканах и Дунае были приведены к вымиранию путем стерилизации и истребления руководителей этих стран. Чтобы обеспечить германской нации господствующее положение и одновременно увеличить германское население, необходимо обязать всех незамужних и замужних женщин, у которых пока нет четверых детей, родить до тридцати пяти лет четырех детей от чистокровных и здоровых немцев. Никакого значения не имеет то обстоятельство, женаты эти мужчины или нет. Каждая семья с четырьмя детьми может предоставить своего мужа для выполнения этой задачи» [1].

Так что Вольф Браннаски, чистокровный и здоровый немецкий ребенок, родился весьма кстати. Ко дню его совершеннолетия перед ним должен был лежать тщательно стерилизованный и по-немецки аккуратненький мир «великого рейха». Но что-то в хозяйственных планах Кальтенбруннера было, видно, не до конца рассчитано, и первым воспоминанием Вольфа Браннаски стали немецкие города, лежащие в развалинах, и американские патрули на улицах.

Аннариитта Минкинен родилась в январскую ночь 1949 года в финском городе Ювяскюля. Финляндия встречала четвертое послевоенное рождество: белые улицы, синие слюдяные окна и радио, играющее народные песенки. Какой дьявол ввергнул маленькую мирную Финляндию в годы войн и вражды? Эти годы были страшным сном; единственной альтернативой прошлому был союз с Великим Соседом — с Советской Россией. Отец Аннариитты был рабочий-строитель; мать — швея. Они голосовали за Паасикиви, а потом за Кекконена. Они считали, что Финляндии нужен мир, вечный мир. Аннариитта, рассказывая мне о своих родителях, сказала с гордостью: «Мои папа и мама были люди прогрессивных убеждений!»

Летом 1977 года Вольф Браннаски и Аннариитта Минкинен прилетели в Сочи, чтобы принять участие в пятом фестивале молодежной песни. Они увидели шумный курортный город, с кипарисовыми парками, с пляжами, тянущимися на десятки километров; город карабкался по склонам, густо поросшим зеленью, и по ночам освещался огнями отелей и гирляндами разноцветных лампочек, развешанных в кронах деревьев.

— Каково ваше впечатление о Советском Союзе? — спросил я Вольфа Браннаски. — Одним словом?

Он сказал двумя:

— Страна будущего.

В первый день фестиваля Вольф Браннаски пел песню «Баварский вальс будущего». Он вышел на сцену в белой рубашке с короткими рукавами, в светлых спортивных брюках. Так выглядят бегуны-спринтеры из университетских команд: длинноногие и широкоплечие молодые люди с интеллигентными лицами. Он пел громко, сильно; его рыжебородое лицо покраснело; он раскачивался из стороны в сторону, как делают немцы, когда поют свои песни в погребке или дома, за дружеским столом. Вот подстрочный перевод песни, которую пел Вольф Браннаски:

Что будет, когда у нас в Баварии будет социализм?
Народной собственностью станут концерны и банки.
А концерн «Сименс» будет называться «Красная гвоздика».
У нас будет ноль процентов безработных.
Простые люди станут управлять страной, а кухарка —
Как и предсказывал Ленин — будет заседать в ландстаге.
Цены на транспорт упадут.
Фешенебельные курорты будут открыты для всех.
Пиво социалистической Баварии, хорошее и дешевое,
Будет много экспортироваться.

Аннариитта Минкинен в первый день фестиваля пела песню «Хотят ли русские войны?» на финском языке. Голос у нее был небольшой, и в ее пении не было, быть может, особой экспрессии и напряженности; пела она аккуратно, грамотно, как прилежная ученица музыкальной школы. Если вы слышали когда-нибудь финские народные песни, вы поймете, о чем я говорю.

Юность Вольфа Браннаски протекала не в обещанном мире железной диктатуры фашизма — он вырос во вполне демократическом и добропорядочном обществе, где, правда, существовали запреты на профессии и чрезвычайные законы, но зато уж никто из руководителей Федеративной Республики Германии не собирался доводить восточные народы до вымирания путем стерилизации, а также более радикальным путем массовых расстрелов и душегубок. После войны многим казалось, что вот теперь-то, когда всем ясны дурные последствия шизофрении и уголовщины, — теперь-то на развалинах немецких городов можно строить нормальный и честный мир, мир справедливости. «Прошлое умерло!» — говорили федеральные политики, имея в виду, что труп Гитлера облили бензином и подожгли еще 2 мая 1945 года, а его первых последователей — Кейтеля, Иодля и нескольких других — повесили год спустя. Немецкие города отстраивались на американские доллары. Прошлое умерло, Федеративная Республика богатела. Немецкое чудо! Никакого нацизма давно нет! «Хорст Вессель» — милая музыкальная миниатюра, фюрер Адольф — артистическая натура и любимец детей, а фашизм мерещится лишь нескольким нервным интеллигентам.

Но неонацистские группки возникали и множились, как ядовитая сыпь, пока наконец в конце шестидесятых не сплотились во главе с Адольфом фон Тадденом. Через двадцать лет после полного краха, после, как казалось многим, смерти самой идеи фашизма — через двадцать лет Федеративная Республика Германии имела новую нацистскую партию, и «Майн кампф» вновь продавалась во всех книжных магазинах.

В Сочи, в перерыве репетиции, я разговаривал с Вольфом Браннаски. Мы сидели на белой скамейке под кипарисом. Браннаски говорил быстро, не задумываясь — он знал ответы на все мои вопросы, потому что ответил на эти вопросы еще десять лет назад, когда...

— ...я вступил в Мюнхенскую группу политической песни. Эта группа объединяет певцов левых убеждений. Я по профессии чертежник; в группу входят рабочие, журналисты, функционеры ГКП. Наши кумиры — Дегенхардт и Зюверкюпп [1]. Мы поем политические песни, потому что это один из путей объяснить людям ситуацию в стране. Это не отрицает иных действий, а предполагает их. Песня — один из видов непосредственного политического действия, таких, как листовка или газета. Искусство — это вопрос политики; аполитичного искусства не существует. Песенки о птичках и о хорошей погоде тоже политические песни, в том смысле, что они создают миф, который мешает людям осознать свое отношение к важным вещам и процессам. В песне наряду с музыкой и исполнительским мастерством певца важна политическая идея, партийная позиция.

Искусство и политика не являются двумя автономными областями. Политика слишком важная для всех область деятельности, чтобы ее можно было предоставить нескольким профессионалам, хотя бы и окончившим привилегированные школы. Искусство и политика взаимопроникающи, если под политикой понимать весь комплекс общественных отношений. Единство искусства и политики мы видим в пьесах Брехта, про которые Вольф Браннаски сказал, что...

— ...это полезное искусство. Это не унижает Брехта как художника. Брехт — это прекрасная и полезная поэзия. Он писал пьесы о том, что волнует людей сегодня, и его пьесы будут жить, потому что, оказывается, полезное искусство — это и есть искусство надолго. Там, где нет примет времени, где художник не хочет нащупать пульс времени, — там рождаются однодневные пустячки.

Тут позвольте мне, автору, в подтверждение вышесказанного процитировать Виссариона Белинского:

«Каждый умный человек вправе требовать, чтобы поэзия поэта или давала ему ответы на вопросы времени, или, по крайней мере, исполнена была скорбью этих тяжелых, неразрешимых вопросов. Кто поет про себя и для себя, презирая толпу, тот рискует быть единственным читателем своих произведений».

Я разговаривал с Аннарииттой Минкинен в интерклубе после концерта. Было поздно, далеко за полночь. Большой свет в зале уже потушили, и зал освещался теперь тусклыми светильниками в углах потолка. Ночь была синяя от сигаретного дыма. В углу зала стояло пианино, за ним сидел венгр Томаш Берки

---

[1] *Цит. по: В. Краль. Преступления против Европы. Перевод с польского. М., «Мысль», 1968, с. 99. — Прим. авт.*

[1] *Дегенхард и Зюверкюпп — известные певцы политической песни в ФРГ. — Прим. ред.*

и наигрывал блюзовые мелодии. Он начинал мелодию, бросал ее и начинал новую. В окна были видны редкие огни: это были огни домиков, которые, как гнезда, висели на крутых склонах, обращенных к морю. Днем тут были горы, и по горам карабкалась вверх белая дорога. Сейчас была ночь, глубокая, как колодец, и огни, и ничего больше. Звезд тоже не было.

Аннарiитта задумывалась над моими вопросами, а потом отвечала с серьезным лицом, часто делая паузы и, когда не хватало слов, показывая руками: она будто отталкивала от себя что-то, или, наоборот, с усилием тянула что-то к себе, или медленно, сладострастно сжимала воздух в кулаке, или помахивала ладонью, будто разгоняя сигаретный дым.

— Я стараюсь создать сплав из злободневной политики, фольклора и высокого искусства. Я пою песни на стихи Гёте, Шиллера, Хикмета, Брехта, Лорки. Музыку для меня пишут молодые финские композиторы Пеннти Илмонен, Матти Пууртинен, Оле Седерхольм. Политическая песня — это не узкая область деятельности, подчиненная непосредственным политическим задачам; политическая песня — это часть общенационального искусства, часть новой финской культуры. Надо сказать, что музыкальный рынок у нас всегда контролировался английскими, французскими, западногерманскими фирмами звукозаписи «Одеон», «Эм-Ай», «Полидор». Три четверти выпускаемых пластинок были пластинки зарубежных исполнителей, никак не связанных с народной финской музыкой, с национальной финской культурой. И вот недавно была создана фирма звукозаписи «Лав-рекорд», которая выпускает пластинки финских исполнителей, финских композиторов — от Яна Сибелиуса до народной музыки.

Аннариитта Минкинен бросила школу, потому что материальное положение семьи не позволяло ей учиться. Она пошла работать на стройку, как отец. Потом она работала горничной в отеле. Потом она работала официанткой. Потом она продавала овощи на базаре. Потом она работала рабочим сцены в театре ее родного города Ювяскюля. Она перепробовала двадцать пять профессий.

— Капитализм не может обеспечить полную занятость. Мы, в Финляндии, живем под страхом безработицы и инфляции. Это порок системы. В Швейцарии, капиталистическом раю, безработица тоже есть, и официальные проценты, кстати, не рисуют всей картины. Ведь если рабочих увольняют в неоплачиваемый отпуск, то это скрытый вид безработицы.

Вольф Браннаски сказал:

— Мы все в ФРГ живем под страхом будущего.

Это была, показалось мне, громкая газетная фраза, мало что значащая, и я уточнил:

— Чего вы — вы лично, я имею в виду — боитесь в будущем?

Вольф Браннаски ответил сразу, одним словом, негромким и напряженным голосом.

— Неонацизма, — сказал он. Лицо его было спокойно; глаза за очками в металлической ленноновской оправе были не замутнены рефлексией и смотрели пристально и строго. Он был человеком действий; умный солдат, знающий цель и верящий в победу...

Аннариитта говорила дальше: «Зачем я пою? Я люблю петь. Родители говорили, что я запела раньше, чем заговорила. И песня — это мое личное оружие... Политическая песня — это очень широкое понятие... это ведь любая хорошая песня... Оружие действует только в том месте, где находится, и действует по-одному — убивает. А политическая песня действует повсюду, проникает везде, и она меняет человека, помогает ему осознать, что делать в борьбе за прогресс. Что такое прогресс? В общем: чтобы не было войн и эксплуатации человека человеком...»

Во второй день фестиваля Аннариитта пела песню «Чили, Чили, Чили». Она вышла на сцену размашистой, тяжелой походкой и, поправив микрофон, приготовилась петь. На ней было платье, расшитое тусклым фабричным узором; лицо ее обгорело на солнце и было красным, а волосы висели вдоль лица, выжженные, желтые, но не бесцветные. Ее большие крестьянские ноги были обуты в коричневые сандалии.

Аннариитта Минкинен не принимала драматических поз и не делала эффектных жестов. Все было просто, спокойно, выверено. Музыка лилась весело и легко, и только в припеве появлялась тема, которую вела бас-гитара, — тема мрака и борьбы, и голос певицы звучал угрозой. Это была пустыня Атакама, и это было сегодняшнее Чили. Но потом музыка светлела и становилась снова волнующей и веселой. И это были зеленые предгорья Анд, и это было три года в прошлом и, быть может, много лет в будущем. Музыка оборвалась неожиданной и энергичной каденцией, и певица выбросила вверх сжатый кулак. Но это не был модный и красивый жест: это был итог песни, вывод из песни.

— Ваше впечатление о Советском Союзе? — спросил я Аннариитту Минкинен. — Одним словом?

Она подумала, потом развела руки в стороны, взглянула на них и развела еще шире.

— Громадно, — сказала она.

Что же такое политическая песня? Точное определение автор дать не берется; автор нарисует вам сейчас сцену в интерклубе, где собирались участники фестиваля, гости фестиваля, члены жюри фестиваля, репортеры, аккредитованные на фестивале. Эта сцена, как автору кажется, прямо и ясно отвечает на поставленный вопрос.

Поздно ночью, когда участники фестиваля, члены жюри фестиваля, гости фестиваля, репортеры, аккредитованные на фестивале, разошлись спать или на пляж, купаться в ночном море, тогда латиноамериканцы принесли из своих комнат гонг, обтянутый коричневой кожей, и гитару. На гитаре играл венесуэлец Патрисио Мантилья. Аргентинец Энрике Лиоппис бил ладонями по гонгу. Чилиец Серхио Ортега отбивал ритм по краю стола. Пустые чайные чашечки подпрыгивали, позвякивали. Латиноамериканцы пели громко, с воодушевлением:

El pueblo unido
Jamas sera vensido [1].

Все, кто еще оставался в интерклубе, собрались вокруг столика. Тут были Самуэль Кедаш из Португалии, Майкл Глик из США. Тут были также герои этой статьи Вольф Браннаски и Аннариитта Минкинен. Сначала слушали, молчали, смущенно улыбались. Потом стали подпевать. Никто из них испанского не знал; слова этой песни знали все. Ко второму куплету хор звучал слаженно, во весь голос. В центре кружка, обступившего стол, сидел Патрисио Мантилья. Маленький Патрисио Мантилья пел «El pueblo unido», глаза его блестели, отчаяние то и дело искажало его лицо, и он все бил и бил кулаком по воздуху рядом с собой.

Вот я шагаю по белому бетону, раз-два, и помахиваю сумочкой с несколькими вещицами, которые еще пригодятся мне в Москве, раз-два. Я слушаю гул и свист самолетов. В зеленом газоне у ВПП прячутся полосатые, как шлагбаум, будочки с аэродромным оборудованием. Несколько оштукатуренных домиков белеет на солнце. Дальше круто начинаются горы, чо из-за раскаленного воздуха, который дрожит и искажает пространство, нельзя понять, далеко они или близко. Горы дымчато-серого цвета. Через несколько шагов я оборачиваюсь еще раз: горы теперь розовые.

Я выхожу на приаэродромную площадь. Она лежит в солнечном сиропе. Под пыльным кипарисом, прислонившись спиной к стволу, сидит босой мальчишка и ест мороженое за девятнадцать копеек. Я стою в тени большого рекламного щита. На щите написано:

СОЧИ ГОРОД-КУРОРТ ЖЕЛАЕТ
ВАМ СЧАСТЛИВОГО ПУТИ!

---

[1] *Когда народ един — он непобедим (исп.). — Прим. ред.*

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, Ю. А. ГОРЯЧЕВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (ответственный секретарь), Б. А. СЕНЬКИН
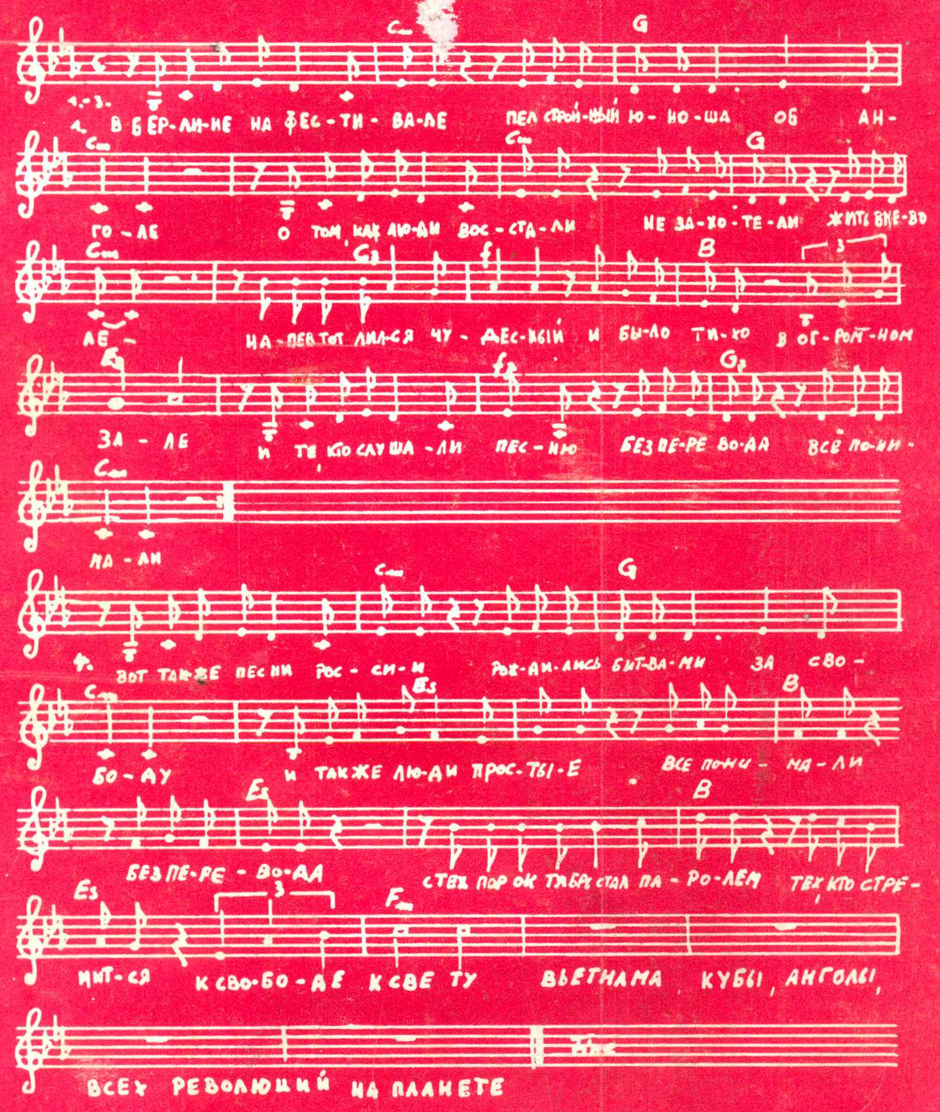
Художественный редактор О. С. Александрова
Оформление М. М. Ракитнина
Технический редактор В. Н. Савельева

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 16/IX 1977 г. Подп. к печ. 25/X 1977 г. А14531. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,7. Тираж 470 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 1679.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

ЭХО ОКТЯБРЯ

В этом номере мы заканчиваем публикацию песен, звучавших на VII Берлинском международном фестивале политической песни. Заключительный концерт его назывался «Эхо Октября» — по песне, созданной советским ансамблем «Гренада». О ком поет «Гренада»! В июльском номере прошлого года, рассказывая о предыдущем Берлинском фестивале, мы опубликовали песню «Народная власть»: ее исполнял ангольский певец Сантокас. Продолжая эстафету фестивалей, «Гренада» на нынешнем пела «Эхо Октября» — песню о молодежи борющейся Анголы.

2

Стучали ритмы как ливни,
Пел стройный юноша об Анголе.
Свой штурмовала Ангола зимний,
Не захотела жить в неволе.
И старый русский рабочий,
Что поднял знамя над Красной Пресней,
Анголу принял как дочку,
Без перевода он понял песню.

3

И пел тот юноша стройный,
И был до боли мотив знакомым,
И песня Африки знойной
В Берлине дальнем была как дома.
И Эрнст Буш с нею рядом,
Он слушал песню светло и гордо,
Вставали интербригады
Противовесом наемным ордам.
И раздвигались границы,
И стало песне легко и просто:
С ней «Венсеремос» чилийцев
И итальянцев «Бандера росса».

4

Вот так же песни России
Рождались битвами за свободу,
И так же люди простые
Их понимали без перевода.
С тех пор Октябрь стал паролем
Тех, кто стремится к свободе, к свету, —
Вьетнама, Кубы, Анголы —
Всех революций на планете.

Индекс 70781
Цена 25 коп.